

Странная Любовь

Мастер
и
Виктория

Жизнь прожить — не поле перейти (с).

Судьба с самого начала испытывает ее на прочность. Отнимает самое дорогое, заставляет вслепую идти по раскаленным углям. Если каждый шаг — боль, что ты будешь делать? Пытаться избежать или искать ее? Когда весь мир против тебя, ты никому не веришь, винишь во всем себя и платишь за чужие грехи. Но однажды плата может стать непосильной.

Тяжелые капли падают на каменный пол. Этот влажный звук сводит с ума. Губы сухие, как растрескавшаяся от июльского зноя земля. Пытаюсь сглотнуть и кривлюсь от першения в горле. Там словно песок.

Глаза закрывает плотная повязка. Она влажная от слез. Ничего не вижу, но знаю, что это за место. Слишком хорошо оно мне знакомо. До дрожи в коленях, до туго свернутого узла в животе от сладкого ужаса и жуткого предвкушения. Почему я снова здесь?! Я не хочу тут быть! Пальцами ног едва касаюсь шершавого холодного камня. Одна каменная плита чуть выше и мне удастся хоть немного ослабить давление на запястья, стянутые кожаными наручниками. Я знаю, они пристегнуты к цепям, спускающимся с низкого потолка. Тело, натянутое как струна, кажется, взорвется от одного прикосновения. Руки, спина затекли, но боли нет. Пока нет. Знаю, она придет позже. Я ее боюсь. Но жду ее, потому что попытка ожиданием страшнее.

Боль... Я знаю столько ее разновидностей. Испепеляющая и почти невыносимая, нежная и приятная, колющая и режущая, разрывающая мое нутро и тянущая мои истерзанные мышцы, опаляющая кожу, заставляющая ее гореть. Накатывающая волнами, когда освобождают стянутые ремнями руки или снимают зажимы с сосков.

Мне хорошо знакома боль. Я почти ее люблю. Боль всегда честна, откровенна, и заставляет тебя быть такой же. Перед её лицом ты не сможешь притвориться безразличной, скучающей или бездушной. Не сможешь лгать. Ожидание ее — сладкая мука, что разливается толчками по напряженному телу, медленно, по клеточке, захватывает все тело. И когда ты больше не можешь ждать ее, когда готова молить о ее приходе, она вдруг дарит тебе яркую вспышку, и ты кричишь от радости освобождения и искупления.

Мягкие шаги по каменному полу. Из пересохшего, сожженного жаждой горла рвется крик. Я хочу приветствовать его, упасть в ноги. И, обняв колени, целовать их. Мой Господин. Мой Спаситель. Мой Судья и мой Палач. Но я не могу. С губ не сорвется ни единого звука. Пока он не позволит. В душной черной темноте своего сознания пытаюсь вызвать его образ. Но лица не вижу. Его просто нет. Только руки, сильные, твердые, немного шершавые. Я знаю, какое наслаждение они могут дарить. Какими быть жестокими. Знаю, что сейчас эти пальцы сжимают плеть. Уверена — он выбрал свою любимую. Кожаную, из сплетенных ремешков черного цвета. С обтянутой кожей ручкой. С металлическим наконечником, который оставляет на теле болезненные сине-черные рубцы — они не проходят неделями. Я чувствую ее запах: хорошо выделанная дорогая кожа, мой пот, моя кровь, моя боль и мое возбуждение.

Невесомое движение воздуха по обнаженному телу — и я дрожу. Дрожу от его присутствия, от исходящей от него мощи и силы. От ожидания его кары. Я готова принять все, что он дарует мне — страдание или наслаждение.

Легкое прикосновение — и меня словно бьет электрический разряд. Беспомощно дергаюсь в своих оковах и теряю слабую опору под ногами, вновь ощущая тянущее напряжение в суставах рук.

Сильная жестковатая ладонь, сухая и горячая, скользит по моему телу от горла вниз, по плечам, обводит каждую грудь, касается сосков, которые уже болят от предвкушения, ниже

по животу, по внутренней стороне бедер, становится влажной, так как я уже теку, изнемогая от желания.

Едва сдерживаю крик, когда между ног врывается грубая, твердая рукоять плети. Тяжелое дыхание — это все, что мне позволено. И я дышу... дышу... сдерживаясь из последних сил. Потому как знаю: я не достойна. Мое наслаждение принадлежит Ему. Как и я. Вся. Абсолютно и без остатка.

Его пальцы легко касаются моих иссохших губ, очерчивают их контур. Чувствую на них вкус своего возбуждения.

Вздрагиваю всем телом, когда над ухом раздается тихий, низкий голос:

— Девочка, ты знаешь, за что будешь наказана?

И я с ужасом понимаю, что ответа у меня нет! Леденящий страх охватывает мою душу, запечатывает рот, заставляет дергаться в конвульсиях. Я не знаю... не знаю...

— Ну же! — настаивает голос, ледяной и жестокий. — За что? Говори!

Из горла вырывается только сипение.

— Жаль, — голос становится печальным. — Твое невнимание будет стоить тебе лишних десяти ударов. Я-то надеялся обойтись только двадцатью.

Снова ледяные пальцы страха сжимают мое сердце так, что, кажется, из него брызжет кровь.

Тридцать ударов плети... Тридцать! После пятнадцати я лежала пластом сутки. И главное, я не знаю за что! Спросить?! И добавить себе еще десяток. Но я должна знать, за что приму эту муку. Иначе не смогу ее пережить.

— Господин... Мастер, — хрипение, которое вырывается из моего горла, не может быть моим голосом, — простите, в чем мой проступок?

Хлесткая пощечина обжигает щеку, заставляя голову дернуться.

— Ты еще смеешь спрашивать?!

Голос исполнен гнева и презрения.

— Считай!

Свист плети и первый резкий удар, пришедшийся на поясницу и ниже. Нестерпимая боль прожигает кожу до мяса. В мозгу — яркий всполох, под повязкой — слезы.

— Один! — хрип пополам с криком вырывается из горла, даря крохи облегчения.

Второй удар обжигает живот и правое бедро. Металлический наконечник беспощадно жалит между бедрами, разрывая нежную плоть. Теплая струйка крови стекает вниз, щекочет кожу.

— Два! — я исторгаю этот звериный вой и изо всех сил держусь за остатки разума, чтобы не сбиться. Если я перестану считать или собоюсь, Господин начнет сначала.

Но после восьмого разум начинает терять ясность, зыбкая и вязкая серая муть просачивается в него, словно вода в пробитую обшивку подводной лодки, неумолимо заполняет собой, я чувствую, как мысли захлебываются в ней, переставая мне подчиняться.

И когда левую грудь и живот обжигает удар плети, губы не слушаются и выдавить из себя «девять» я не могу.

Жесткие пальцы сжимают мой подбородок, сдвигают повязку с выжженных слезами глаз, поднимают веки — яркий свет ослепляет. Плеть падает на пол.

Сильные руки приподнимают мое обмякшее тело и отстегивают наручники от цепей, я мешком валюсь на холодный влажный каменный пол, разбивая колени. И тут приходит невыносимая боль, она захлестывает меня от макушки до пяток. Я кричу так, что горлом

идет кровь из разорванных связок, я захлебываюсь ею, хриплю, но продолжаю кричать.

— Тише... тише... — его голос почему-то стал мягким, почти испуганным, заботливым.

Теплые мягкие губы — так приятно — на лбу, на щеках, на шее. Господин...

Резко распахиваю глаза, и с ужасом понимаю, что ничего не вижу. Потом загорается теплый неяркий оранжевый свет. Ласковые ладони стискиваю мои плечи, прижимают к сильному мужскому телу. Впиваюсь пальцами в него. Когда он успел развязать мои руки?

— Вик... — мое имя? Он произнес мое имя?

— Тише, родная, тише. Это сон, просто сон.

Наконец я вижу склонившееся надо мной лицо. Милое, родное, небритое и слегка помятое. Антон... Антошка... мой...

Рыдания душат, но слезы такие сладкие. Они льются и льются, и я их даже не вытираю. Боль, страх вытекают вместе с ними, оставляя горькое послевкусие.

Вжимаюсь в теплое ото сна тело мужа, оплетаю его руками и ногами, покрываю все, до чего могу дотянуться, безумными поцелуями, не обращая внимания на боль в искусанных губах.

Он, немного оторопев от этой безумной ласки, отвечает. Сначала мягко, сдерживая меня и себя, но потом распяляется, сжимает крепче, нетерпеливые губы впиваются в мои...

Утром не могу удержаться, чтобы не посмотреть в зеркало на свою спину, ягодицы и живот. Следов от плети, конечно, нет. Выдохнув сквозь зубы, иду на кухню готовить завтрак. Но из головы не идет этот жуткий в своей реальности сон. Я вижу такие сны слишком часто. Слишком.

А ведь уже почти год, как я вышла замуж за Антона, выбросила все свои странные игрушки и поклялась себе, что больше никогда не стану играть в эти жестокие игры. Никогда.

Слишком дорого мне обошлось прощание с этим темным, странным, а иногда жутким миром. Оно почти стоило мне жизни. Я не хотела о нем вспоминать. И ни за что на свете не допустила бы, чтобы тьма, которой я когда-то принадлежала, запятнала моего солнечного зайчика, моего светлого принца. Чтобы понять, что есть тьма, нужно увидеть свет. И этим светом стал для меня Антон.

Я немало приложила усилий, стерла малейшие упоминания о себе везде, где могла засветиться — на тематических сайтах, в закрытых клубах. Разослала всем своим бывшим Домам электронные письма с просьбой больше никогда меня не беспокоить. Все ответили согласием. Три столпа Темы. Добровольность, безопасность, разумность. Не нарушаемые и незыблемые. Если ты уходишь, то никто не вправе напоминать тебе о Теме.

Все ответили. Кроме одного. Я какое-то время переживала, что так и не смогла получить от него подтверждения. Но потом успокоилась. Может, он и сам давно уже отошел от Темы. Женился и растит детей. Может, уехал из страны.

Он был самым странным из всех. Самым жестоким и самым притягательным. И самым таинственным. Я не знала его имени. Никогда не видела его лица. Пока я была его «вещью», моя зависимость от него была почти религиозным безумием. Теперь я это четко видела. Вылечиться мне помог мой родной Солнечный Зайчик. И вот снова я видела загадочного Мастера в своих страшных и сладких снах.

Глава 1. Отец

Иногда я пытаюсь понять, почему моя судьба сложилась именно так. Почему я с самого детства ощущала это давящее, пригибающее к земле чувство вины, будто жесткие холодные тяжелые ладони на плечах. Я никогда ни в ком не искала причины того, что со мной происходило. Только в себе. Возможно от того, что редко находила в людях, даже самых близких, настоящее сочувствие и понимание. Поэтому привыкла надеяться только на себя.

Отца я любила исступленно. Может, потому что редко видела его дома. А может, потому что так же исступленно его любила мама. Замирала, когда он обращал на меня внимание. Дрожала от страха, боясь его огорчить. Неделями мечтала о том, как он возьмет меня за руку и отведет в кинотеатр на утренний детский сеанс. Меня распирало от гордости, когда он приходил на школьные собрания в форме, с орденскими планками. Такой красивый, такой сильный.

Я видела в маминых глазах такое же обожание. Она смотрела на него, будто на солнце, ослепленная, очарованная. Была готова простить, все что угодно.

Жесткий, грубоватый, а иногда и просто жестокий, отец был начальником убойного отдела районного УМВД маленького захолустного городка Южноуральск. Когда он приходил домой не в настроении, мама бледнела и становилась похожей на тень. Она была очень красивой. Мягкая, тихая, нежная. Тонкая как тростинка, казалась совсем маленькой по сравнению с отцом — высоким, мощным, черноволосым и смуглым. Темно-рыжие, отливающие червонным золотом волосы, белая до синевы кожа, будто сбрызнутая солнечным светом — мелкие, едва заметные веснушки нисколько не портили ее. Мама была словно робкий первый лучик солнца мартовским утром. Я любила ее нежные руки, теплые, полупрозрачные с синеватыми венками под тонкой кожей. Отец всегда говорил мне, что я похожа на нее как две капли воды.

Мама окончила музыкальное училище, но на работу так и не устроилась. Иногда к ней приходили на дом ученики. Я помню, как пряталась за креслом, старалась не дышать и слушала, как мама тихим голосом делает замечание очередному нерадивому юному дарованию.

Властный и неукротимый характер отца подавлял ее тонкую чувствительную натуру. Но она любила его. До саморастворения, до самозабвения. Прощала, плакала. И всё равно любила. Терпела унижение и боль от его ударов. Стонала от грубых ласк.

В моем детском сознании эти картинки отпечатались навсегда. Частенько отец приходил домой мрачный и угрюмый, пропитанный злобой и ненавистью, грязью и смрадом того отребья, с которым он вынужден был работать каждый день. Любой брошенный на него взгляд, неловкое движение, неудачно сказанное слово приводили его в бешенство. И тогда в ход шли кулаки. А иногда брючный ремень. Я убегала в свою комнатку, запиралась в ней, накрывалась с головой одеялом, тряслась от страха, и слушала ее крики и сдавленные стоны.

Отец меня почти не замечал. Я точно знала, что он меня не любит. Сколько раз слышала, как, он избивал в очередной раз маму, грубо матерился и кричал ей, что она, никчемная, даже не смогла родить ему сына. Это было очень больно и обидно. И, смотрясь в зеркало, я постепенно начинала ненавидеть себя за то, что не родилась мальчиком. За свои темно-рыжие локоны, за длинные ресницы и девчачью довольно ладную фигурку. Старалась

носить только брюки и шорты, терпеть не могла платья и бантики, а однажды обрезала себе волосы большими портновскими ножницами. Мама плакала над моими кудрями, а отец высек меня в очередной раз ремнем, за то, что огорчила мать.

Но все это не мешало мне все так же иступленно его любить.

Единственным моим теплым детским воспоминанием об отце был подаренный им большой плюшевый медведь, изнутри наполненный доверху конфетами. Мне было девять или десять. Он пришел с работы под вечер тридцать первого декабря, пьяный, но как никогда добродушный и даже погладил меня по голове. Я не верила в то, что достойна такого счастья. Так и уснула, не выпуская игрушку из рук, будто боялась, что утром она исчезнет.

До пятого класса моим спасением была школа. Помню, как ждала свое Первое сентября, вскакивала ночью с десяток раз, чтобы проверить все ли положила в портфель, и еще раз полюбоваться на свою форму — темно-синие пиджачок и юбку в крупную складку, кипельно-белую блузку с кружевным воротником. А еще я безумно гордилась лакированными черными туфельками на ремешках. И белыми гольфами с помпонами. Мама потратила много сил, чтобы убедить меня одеться «по-девчачьи», но оно того стоило.

Помню до сих пор гладиолусы, из-за которых мне почти ничего не было видно, только расчерченный мелом, едва подсохший после вчерашнего дождика асфальт перед школой.

Моя первая учительница, спокойная и строгая, Анна Евгеньевна. Наш класс был ее последним набором. Потом она собиралась на заслуженный отдых. Седые волосы, зачесанные в тугий пучок. Старомодные роговые очки. Негромкий, хорошо поставленный голос. Когда класс начинал шуметь, она говорила еще тише. А иногда посреди урока математики, отвернувшись к окну, начинала читать нам Пушкина или Фета. И мы, замороженные, замолкали.

Я была твердой хорошисткой. Никогда не входила в число «звездочек», но и тройки, а тем более двойки, хватала очень редко. Может еще потому, что знала — за каждую из них меня ждет порка отцовским ремнем.

Однажды я попыталась, как многие мои одноклассники, исправить в дневнике «тройку» на «пятерку». И, конечно же, тут же была поймана с поличным отцом. Он снова высек меня ремнем по пятой точке, уложив к себе на колени. Я стискивала зубы, чтобы не разреветься. Мама тихо плакала в соседней комнате, где отец закрыл ее, чтобы не мешала. Багровые рубцы не заживали неделю. Каждый раз, когда я садилась, я вспоминала, чего стоит ложь.

Друзей я заводила тяжело. Может, была не слишком общительной, может, сказывался тяжелый характер, доставшийся от отца — упрямый, жесткий и прямой. Я не умела ни перед кем лебезить, всегда говорила правду в лоб. Не терпела обмана и подстав, не хотела ни с кем «дружить против кого-то». С мальчишками мне было проще, а вот девочки меня не слишком жаловали. И чем старше мы были, тем напряженнее становились отношения с одноклассниками.

Моим закадычным другом был Сережка Молчанов. Мы жили в одном доме и с первого класса каждое утро встречались у подъезда. А после уроков вместе лазали по деревьям и трубам, сваленным около котельной во дворе, таскали котлеты щенкам дворовой собаки Жульки, пригретой доброй дворничихой тетей Марусей, весной тайком от родителей уезжали на пригородной электричке до ближайшей лесополосы, рвали подснежники и продавали их по двадцать рублей у автобусной остановки.

Правда, наш бизнес однажды был жестоко пресечен, когда нас забрал в участок патруль

ППС. Когда я сказала свою фамилию — Раменская, дежурный тут же позвонил моему отцу.

И опять я неделю шипела сквозь зубы от боли, когда садилась.

Сережка тогда впервые увидел, как я побледнела, когда за нами приехал мой отец, и почувствовал, какой леденящий ужас меня охватил. Взял за руку и сказал, что если бы был взрослым, я бы ничего с ним не боялась.

Кроме Сереги друзей у меня не было. А вот врагов хватало. Злейшей моей «врагиней» была Светочка Крайнева, дочка завуча нашей школы, противной визгливой исторички Эльвиры Эдуардовны, которая имела прозвище «Швабра» за совершенно невероятный начес на голове. Светочка была под стать своей мамаше — такая же писклявая, вредная и вечно сующая свой нос во все дырки ябеда.

Пока наше детское сознание, не замутненное гормонами, было сосредоточено только на том, с кем ты пополам съедал яблоко, распиленное линейкой, и для кого отпрашивался в туалет под конец урока, чтобы занять очередь в буфете за пирожками, все было не так плохо. В школе я не ощущала тяжелой давящей власти отца и дышала свободно.

Но после прощания с начальной школой все резко изменилось. За лето девочки повзрослели и начали потихоньку понимать свое отличие от мальчиков. И по закону подлости Светочка, вдруг осознавшая себя первой красавицей, обратила свой благосклонный взор на моего друга Серегу.

Он, еще совсем мальчишка, совершенно не понимал, чему обязан повышенному вниманию с ее стороны и всячески избегал. А вину за его поведение отвергнутая Светочка возложила на меня.

Это было началом войны. Жестокой и без правил.

Светочка устроила мне настоящую травлю. Почти все девчонки класса были ее подпевалами, и безропотно выполняли все указания. И так собственно, не имея подруг, я стала совершенным изгоем. Даже мальчишки, подчиняясь стадному инстинкту, потихоньку начали примыкать к этой игре «доведи до слез Раменскую». А поскольку заставить меня заплакать было очень непросто, учителя проявляли чудеса коварства и изобретательности. Школьная жизнь постепенно превращалась в сущий ад. Кнопки, подложенные на стул, записки на спине с обидными прозвищами, плевки в учебники, и жевательная резинка в волосах — это были только мелочи.

За меня заступался только Серега, но в седьмом классе пришел конец и нашей дружбе.

Как-то после школы компания из пятерых мальчишек подкараулила нас с Молчановым за школьной лыжной базой, за которой начинался довольно безлюдный пустырь.

Задвинув меня себе за спину к закрытой двери сарайчика, в котором наш физрук хранил лыжи и гордо называл его лыжной базой, Серега сжал кулаки и встал в защитную стойку, собираясь драться не на жизнь, а на смерть. Среди пацанов был один, бугай по кличке Ухват, из девятого, хулиган и двоечник. Его боялась вся школа: поговаривали, что он связался с бритоголовыми и ходил с ними на сходки — бить «черных». Я тоже приготовилась в меру своих девчачьих сил помочь другу в неравной схватке.

Но Ухват, сплюнув через зубы, примирительно сказал Сереге:

— Ты, пацан, иди своей дорогой. Нас попросили с девочкой поговорить. Не бойсь, мы нежно с ней поговорим. Синяков не оставим, у нее же папа мент. А может ей и понравится.

От его гадкой ухмылки меня затрясло, и к горлу подступила тошнота.

Серега только помотал головой и стиснул сильнее кулаки.

Но что мог четырнадцатилетний пацан против шестнадцатилетнего бугая и его четырех

дружков?

Драка закончилась быстро. Серега с расквашенным носом остервенело вырывался из рук двух крепких ребят, а я замерла, глядя в наглые глаза Ухвата, который прижал меня к злосчастному сарайчику.

— Не трогай, — прошипела я, — отец сделает из тебя отбивную.

— А ты ему не расскажешь, — нагло ухмыльнулся бугай.

Его ладонь вдруг провела по моей груди.

— Тю, — разочарованно протянул он. — Да тут и пощупать-то нечего. Плоская как доска. Доска два соска.

Он заржал, и меня обдало отвратительным запахом нечищенных зубов, табака и пива.

Я едва сдержала приступ дурноты.

Его рука вдруг сжала мое горло, вторая рванула пуговицу на джинсах, грубо, причинив мне боль, а пальцы залезли мне в трусики.

— А тут хоть волосики выросли?

Он больно, до слез ущипнул меня там, я закричала, но потная ладонь грубо зажала мне рот.

— Не ори, дура, а то хуже будет. Толян, помоги.

Третий мальчишка, стоявший немного поодаль, несмело подошел, явно смущаясь.

— Давай, стащи с нее штаны. Пусть ее дружок полюбуется. А то, небось, и не видал, что у телок между ног.

Он снова заржал, и я почувствовала, что меня сейчас вырвет.

Парень, которого называли Толян, видимо замешкался, потому что Ухват рявкнул на него:

— Чего стоим? Давай быстрее!

Дрожащими руками мальчишка потянул мои джинсы вниз, пытаясь стащить и трусики.

— Ну чего ты копаешься? — снова гаркнул на него Ухват. — Держи ее, я сам.

Толян прижал мои плечи двумя руками к сарайчику, а бугай грубо сдернул с меня джинсы.

Я опять закричала, дико, яростно. Отчаянно пытаюсь вырваться, забила в руках своих мучителей.

— Смотри, смотри, — сказал довольным голосом Сереге Ухват. — Правда, тут посмотреть-то не на что. Целка она еще малолетняя.

И снова ущипнул меня между ног.

И тут я не выдержала. Меня вытошнило прямо на куртку Ухвату.

Он отшатнулся, матерясь, и залепил мне звонкую пощечину.

Я тихо сползла по двери сарайчика, натягивая джинсы и чувствуя, что теряю сознание.

Последнее, что помнила — были глаза Сереги. Жалость, отчаяние и стыд — вот что я там увидела. Я решила, что он стыдится меня. И в первый раз ощутила себя грязной. Будто липкие потные ладони этого бугая оставили на мне позорное клеймо, которое теперь никогда не отмыть.

Пацаны вместе с Ухватом разбежались. Сережка все стоял и смотрел на меня, а потом всхлипнул и убежал.

Так погибла наша дружба. На радость Светочке мы больше так и не смогли посмотреть друг другу в глаза. Правда, спустя недели две Серега все-таки нашел в себе силы и подошел ко мне. Виновато потупив глаза, он сказал, что не может себя простить за то, что струсил и

убежал тогда. И что ему было просто очень стыдно. Не за меня. За себя. Мы неловко обнялись. Но той искренней настоящей дружбы больше не было.

В тот вечер я вернулась домой поздно, зареванная и в грязной одежде. Отец ждал меня в прихожей, с ремнем в руках. Не спрашивая, что со мной случилось, он схватил меня за волосы и потащил на кухню. И тогда, наверное, впервые, за меня заступилась мама. Вцепилась в отцовскую руку, уже занесенную надо мной.

Они страшно поругались. И он опять ее избил. Я слышала шлепки ремня, глухие стоны и звуки пощечин. Меня пронзил леденящий ужас и чувство вины. Мне показалось, что он ее убьет. Из-за меня. Я преодолела свой страх и на негнущихся ногах прошла эти двенадцать шагов по коридору. Перестав дышать, рывком распахнула дверь в родительскую спальню.

Я никогда не забуду ее лицо. Адская смесь наслаждения и боли, страдания и неземного счастья. Мой детский мозг отказывался принять это. Намотав на кулак ее длинные кудри, отец грубо входил в нее сзади, рыча от удовольствия. На ее полупрозрачной коже на спине и ягодицах вспухли багровые рубцы. На полу валялся отцовский ремень.

Они даже не заметили меня. Я мышкой скользнула обратно в свою комнату, нырнула под одеяло и разрыдалась. Отчего-то снова почувствовала себя грязной. Порочной. Испорченной. Как там, на пустыре у сарайчика. Опять вспомнила потные ладони у себя между ног и стыд в глазах Сереги. Но внизу живота скрутился тугий узел, что-то пульсировало, жгло. Я осторожно опустила руку и погладила себя там. Это было приятно и страшно. Закрыла глаза и вновь увидела лицо мамы. И услышала, как ритмично шлепают бедра отца об ее иссеченный ремнем зад. Какая-то теплая волна начала подниматься снизу все выше и выше, кровь прилила к голове и стучала в висках. Расслышала сквозь шум, как мама закричала. Дико, истошно. И это не было криком боли. В этот же момент я впервые в жизни кончила. И опять разрыдалась, от стыда и страха.

С тех пор я часто ласкала себя, когда они занимались любовью. Но однажды меня застал отец. Он высек меня линейкой по рукам и поставил на три часа на колени в угол. Совершенно голой. Запретив маме подходить ко мне. Я стискивала зубы, стараясь не разрыдаться. Когда я плакала и просила о пощаде, отец всегда только еще больше зверел. Я слышала, как тихо всхлипывает мама не кухне. И опять задыхалась от ненависти к себе.

Я продержалась в этой школе еще год. Чувствовала себя изгоем, постоянно ожидала гадостей от Светочки и ее подружек, без поддержки в лице единственного друга. Стала прогуливать, за что вызвали в школу отца. Не знаю, что именно сказала ему наша классная дама — строгая и чопорная «англичанка» Вера Петровна, но он на следующий же день забрал мои документы и перевел в другую школу.

Я вроде как получила еще один шанс. Школа, а точнее лицей, в который благодаря авторитету отца, меня взяли без вопросов, считался элитным. В нем училась «золотая молодежь» — детки чиновников, бизнесменов, и всех, кого больше волновала внешняя престижность учебного заведения, чем реальные знания, которые их отпрыски получали в его стенах. Кроме евроремонта в классах и коридорах, приличных компьютеров и неплохой еды в столовой, этот лицей был ничем не лучше, если не хуже той обычной средней школы, в которой я училась раньше.

Оценки в школе покупались и продавались почти открыто. Когда я попыталась пожаловаться на это отцу — он только хмыкнул, достал бумажник и выложил передо мной несколько купюр, спросив, хватит ли этого.

Мне было противно платить за оценки, но так делали все. Я была новенькой. Пойти

против установленного порядка значило снова стать изгоем. А я отчаянно не хотела повторения этого. Старалась изо всех сил хотя бы выглядеть такой как все, слиться, не выделяться.

В классе была своя сложившаяся элита: крашенная блондинка Валерия, которая манерно называла себя Вэл, одевавшаяся в дорогие шмотки, и приезжавшая в школу на «Лексусе» с шофером, ее парень Макс — сыночек депутата городской Думы, наглый и заносчивый, лихо разъезжавший на скутере. Вокруг них крутилась свита, человек пять или шесть, смотревших этой парочке в рот и «шестеривших» перед ними. Я, как новичок, да к тому же не обладающая никакими выдающимися качествами — машиной, брюликами, шмотками, сверхпопулярными родителями, автоматически попала в аутсайдеры. Но меня это даже радовало. Какой-никакой авторитет за счет отца у меня все-таки имелся, и я не была всеми презираемой белой вороной.

С первых дней мое внимание привлекла девчонка, которую почему-то звали Елкой. Прозвище удивительным образом подходило ей — невысокой, угловатой, со странной прической — торчащими во все стороны острыми иглами начесанных и залаченных прядей. Характер был соответствующий — колючий, дерзкий, взрывной, немного шальной. Елка никогда не спускала никому дерзостей или издевок, находя такие слова, что обидчик через минуту уже жалел, что задел ее. Отчего-то Елка решила взять меня под свою опеку. Да и я испытывала к ней все большую симпатию.

Так у меня впервые в жизни появилась подруга. Мы с Елкой вскоре стали неразлучны. Она таскала меня с собой на тусовки металлистов, на дискотеки. Я, подражая ей, выпросила у родителей кожаную косуху, которую мы с ней довели до ума, добавив заклепок и цепочек, нацепила на шею собачий ошейник с металлическими шипами и проколола уши, вставив в них большие круглые кольца. Елка подбивала меня сделать еще татуировку и проколоть бровь, пупок или язык. Но мне не хотелось рисковать своей пятой точкой. Отец явно бы не одобрил этого. Приходилось таскать в рюкзаке средство для снятия макияжа, чтобы в подъезде стирать со своего лица «боевой раскрас» — почти черную помаду и густые стрелки.

Мы уже учились в десятом, когда Елка познакомила меня со своим старшим братом. Он называл себя Лекс, хотя на самом деле был Алексеем. Ему было двадцать два. В армии он не служил. Его папочка — владелец самого успешного в городе риэлтерского агентства, легко купил ему нужную справку. Лекс прожигал жизнь, гоня на мотоцикле с девицами, распивая пиво на тусовках и изображая пресыщенного жизнью «ночного охотника». Такая неискушенная дурочка, как я, не могла не попасться. Я влюбилась. Безнадежно и смертельно. Как влюбляются в первый раз в шестнадцать лет. Смотрела на него снизу вверх как на божество. Переставала дышать, когда он случайно касался моей руки. Млела, когда он небрежно чмокал меня в щечку при встрече. Я ни на что не надеялась. Просто его боготворила.

Однажды мы тусовались у Лекса и Елки на квартире. Их родители улетели в Италию, и мы развлекались по полной. Пиво лилось рекой, в комнате стоял туман от выкуренных пачками сигарет. Я не курила и почти не пила, знала, чего мне будет это стоить. У меня в рюкзаке всегда лежал дезодорант и сменная одежда — джинсы и толстовка, упакованные в целлофановый пакет. Перед тем, как зайти к себе домой после таких тусовок, я всегда переодевалась в подъезде и тщательно сбрызгивала волосы дезодорантом. Это давало возможность проскользнуть в ванную, не выдав себя запахом табака и алкоголя.

В разгар веселья к нашей компании из восьми душ присоединился незнакомый парень. Лекс быстро проводил его на кухню и о чем-то с ним там разговаривал при закрытых дверях.

Парень уже собирался уходить, как дверь в квартиру с оглушительным грохотом и треском вылетела, и ворвались люди в черной униформе и масках.

Истошно визжали девчонки, парней оперативники профессионально укладывали лицом в пол.

Лекс, который оставался еще в кухне, быстро втащил меня туда же за руку и закрыл дверь. Потом сунул мне что-то в карман джинсов и зашептал на ухо, обнимая за талию и наклоняясь к моим губам, словно хотел поцеловать:

— Вик... Тебе ничего не будет, ты дочь мента... Ты же меня любишь? Я знаю... Хочешь меня спасти?

Я готова была отдать за него свою жизнь. Он и правда успел меня поцеловать, и я растаяла.

Но над ухом проорали:

— Отойди от нее! Руки за голову! Лицом к стене!

Бесцеремонно прижав к стене, оперативник бесстыдно облапал меня, обыскивая. Потом вытащил из моего заднего кармана несколько маленьких пакетиков и радостно выкрикнул:

— Есть! Давай понярых!

Дальше я ничего не понимала. Только помнила холодный металл наручников на запястьях, вонь милицейского уазика с зарешеченными окошками и невыносимый ужас, когда меня втолкнули в крошечную комнатку с простым железным столом и прибитым к полу стулом.

Люди в штатском задавали какие-то вопросы, а я только смотрела широко открытыми от шока глазами и молчала.

Потом пришел отец. Выгнал всех из допросной. Закрыл дверь на ключ. Подошел и залепил мне пощечину, от которой у меня помутилось в глазах.

— Кто тебе подсунул это дерьмо? — прорычал он, белый от ярости, мне в лицо.

Я молчала, как партизанка на допросе. Поцелуй Лекса еще горел на губах, а его шепот «Хочешь меня спасти?» звучал в ушах.

— Дура, ты не понимаешь, что они подставили не тебя? Меня! — отец снова ударил меня по лицу, и рот наполнился противным соленым вкусом крови.

Захлопала глазами. Я спасала свою любовь! При чем тут мой отец?

Отец прошелся по комнате, пытаясь взять себя в руки. Присел передо мной на краешек стола и сжал в ладонях лицо, заставляя посмотреть прямо ему в глаза.

— Послушай, — тихо сказал он и меня приморозил ужас от этого спокойствия. — Ты, конечно, не сядешь. Я не могу этого позволить. Но ты должна сказать, кто этот ублюдок, что сунул тебе дурь. Слышишь? Ты понимаешь, что он тебя банально использовал? Сбросил наркоту, а сам в кусты.

Я не понимала. Не хотела понимать. Это не могло быть правдой. Лекс... Он не мог... не мог так со мной поступить. Не мог...

Отчаянно разревелась. Конечно, мог. Отец был прав. Осознание своей глупости окатило меня будто ледяной водой.

— Лекс. Алексей Литвинов.

— Вот и умница, — отец погладил меня по щеке. Я вздрогнула от этой непривычной ласки.

Лекса осудили на два года условно. А я потеряла сразу и подругу, и первую любовь. В их глазах я теперь была ментовской крысой. Отец организовал все так, что в суд меня не вызывали. Но я и так знала — никогда не смогу посмотреть в глаза ни Елке, ни Лексу. Обиды на него у меня не было. Только чувство вины за то, что сдала его. Не смогла спасти.

В школу я больше не вернулась. Мама, наверное, впервые настояла на своем, а отец впервые ее послушал. Экзамены за десятый класс я сдала экстерном.

А закончить одиннадцатый не пришлось.

Мама умерла. Пытаясь выносить отцу второго ребенка, хотя врачи запретили ей рожать. У нее был отрицательный резус-фактор и слабое сердце. Ее предупреждали — вторая беременность может стать роковой. Но отец так хотел сына.

После похорон я не разговаривала месяц. Не выходила из комнаты и почти не ела. Попала в психиатрическую больницу с диагнозом «анорексия». Отец решил все вопросы, и я получила аттестат зрелости и вполне приличные результаты по ЕГЭ, которые не сдавала.

Примерно месяц после выписки из психушки просидела дома в четырех стенах, пытаюсь сообразить, как жить дальше. Остаться в родном городке было совершенно невозможно. Я кожей ощущала, что была чужой, инородным телом, белой вороной. Словно выплеснутый грязным потоком на берег обрывок бумаги. Ненужный, никчемный. Нужно было начинать новую жизнь. А единственно достойным местом для этой новой жизни, конечно же, была столица.

Когда я заявила отцу, что уезжаю в Москву, он избил меня. Тем же ремнем. Бил долго, с наслаждением, все больше заводясь от моего упорного молчания. Потом сорвал с меня джинсы и продолжил избивать, хрипло дыша от накатывающего возбуждения. Я обернулась и увидела в его глазах похоть. И закричала. Страшно. По-звериному. Он остановился. Закрыв руками лицо. И ушел. До утра я прорыдала на полу, чувствуя себя грязной потаскухой. И поняла, что больше не люблю отца. Не могу любить. Такая тварь, как я, не может никого любить. Ненавидеть, презирать — может. Любить — нет. А утром замазала синяки тональным кремом, собрала вещи, вытащила деньги из отцовской записки, что-то около двадцати тысяч рублей, и сбежала.

Глава 2. Владлен

Я знала, что отец может меня найти благодаря связям в органах, поэтому вместо Москвы поселилась в Зеленограде. Поступила в педколледж, в основном из-за общежития. Работала нянечкой в детском саду. Подрабатывала вечерами официанткой в кафе. Там и произошло одно знакомство, которое круто изменило мою судьбу.

Его звали Владлен. Сынок местного авторитета. Мажор. Наглый, жестокий. У него были золотая цепь, дорогие шмотки и часы, черный «бумер» и шайка прихвостней-ублюдков. Он был уверен, что весь мир в масштабе отдельно взятого Зеленограда лежит у его ног. А также, что безродная и нищая официантка должна целовать ему ноги за то, что их высочество обратило на нее внимание. А я не хотела. Не было в нем этого стержня. Настоящего мужского начала. Того, что заставляет таких, как я, ползти покорно на животе и вымаливать ласку или наказание. Он был слабаком. Мелким, ничтожным садистом.

Впервые я увидела его, когда их компания кутила в забегаловке, где я работала. Вип-столик в самом углу за перегородкой был не моей зоной обслуживания. Но в этот вечер моя напарница Любочка не вышла на работу из-за болезни младшего сынишки, и обслуживать шумную компанию пришлось мне.

Их было шестеро — трое парней и три вульгарно одетые, безвкусно покрашенные девицы. Они загоняли меня за пивом, водкой и шашлыками, скоро я не чувствовала ног. Пару раз даже пришлось сбегать в соседнюю палатку за сигаретами: той марки, которую потребовал один из парней, у бармена не оказалось. Я попыталась возмутиться, но администратор Андрей больно сжал мое предплечье и прошипел на ухо:

— Ты хоть знаешь, кто это гуляет? Это Владлен, сынок Бирюка. Он полгорода держит. Так что давай, мухой.

Было уже давно за полночь, но компания не собиралась расходиться. На мое робкое замечание, что рабочий день давно закончился, а мне завтра в колледж, Андрей только хмыкнул:

— Хочешь — вали. Только из таких, как ты, на улице очередь.

Сжала зубы и продолжила таскать новые бутылки с водкой, кружки с пивом и тарелки с шашлыком, вытряхивать заполненные окурками пепельницы, протирать стол, заплеванной и заляпанной.

Парни бесстыдно тискали в стельку пьяных девиц, одна уже сидела под столом между широко раздвинутых ног Владлена, а он, прикрыв глаза, довольно постанывал. Еще одну его дружок посадил на стол и жадно мямлил ее грудь, задрал топик.

Я бросала на это непотребство косые взгляды, и один из таких взглядов перехватил Владлен.

— Эй, рыжая, — крикнул он мне. — Завидуешь, небось? Давай, иди сюда, я тебя приласкаю.

— Тискай своих шлюх, — буркнула я, и тут же получила тычок в бок от Андрея.

— Ого! Да она гордая, — заржал Владлен. — Иди сюда, крошка, не бойся, я не кусаюсь.

Андрей толкнул меня в спину по направлению к вип-столику.

Я подошла и стала вытирать стол. Владлен схватил меня за руку, отобрал тряпку и обнял за талию, усадив к себе на колени. Я попыталась вырваться, но он был сильнее. Парень

прижал меня к себе и провел носом по шее.

— Ммм... Вкусно пахнет, — сказал он, — свеженькая. Может еще и целочка? А, детка? Хочешь, я буду твоим первым? Я хорошо умею трахаться. Будет сначала больно, но потом приятно.

— Пошел ты, — прошипела я и замахнулась, чтобы влечь ему пощечину. Не успела, он перехватил мою руку, сжал больно, едва не сломав кость, и заломил за спину.

— Строптивая, — ухмыльнулся он, — ну ничего. Так даже интереснее. Может прямо тут, а ребята?

Пьяные дружки заржали одобрительно.

Я отчаянно посмотрела на Андрея. Перспектива, что в кафе сейчас устроят групповое изнасилование, видимо, ему не слишком понравилась.

— Эй, ребята, — примирительно подняв руки, сказал он, — может не надо? Все-таки заведение...

Владлен грубо толкнул меня со своих колен. Я отлетела, больно ударившись бедром о соседний столик.

— Да забери свою шлюшку. Больно много чести, — бросил он презрительно. Потом вынул из кармана пачку купюр, отсчитал несколько красноватых бумажек и кинул на стол. — Поехали отсюда.

Мы с администратором и барменом вздохнули с облегчением, когда пьяная компания, наконец, покинула кафе.

Работа в двух местах и учеба выматывала меня, я еле доползала до постели. На развлечения почти не оставалось ни времени, ни сил. Но впервые после школы я очень неплохо ладила в колледже с девчонками из группы, не ощущая себя изгоем. Может потому, что в основном все вертелись как я, разрываясь между учебой и работой. Женский коллектив в отсутствие раздражителей в виде особой мужского пола оказался вполне комфортным.

Общежитие нашего колледжа занимало третий и четвертый этажи старого кирпичного дома в центре города. На первом и втором жили работники завода вентиляционного оборудования. И вот однажды на вечеринке, которую устроила одна из девчонок нашей группы по случаю своего дня рождения, я познакомилась с Костей, тихим парнем, работавшим на заводе наладчиком станков с ЧПУ. Костика вместе с еще двумя ребятами пригласили девочки, сказав, что сидеть без парней глупо, особенно когда они всего-то этажом ниже. Двое других оказались побойчее, и через час уже всю клеили Маринку и Катю — моих соседок по комнате. Костик не отводил от меня замороженных глаз и молчал.

Я не собиралась заводить никаких отношений. Но как-то незаметно мы стали встречаться. Ходить в кино, гулять в парке по выходным. Правда, выходных у меня было очень мало.

Костик был очень застенчивым и деликатным. Мы держались за руки, иногда я позволяла ему поцеловать себя в щечку, когда прощалась на лестничной клетке своего этажа. Он читал мне свои стихи и рассказывал, что на заводе оказался случайно, просто не поступил в Литературный Институт. А вообще он точно будет поэтом.

Прошло больше двух месяцев после нашего неприятного знакомства с Владленом, и я начала потихоньку забывать о нем. Как оказалось, зря.

Мы возвращались с Костиком из кино. Было уже довольно поздно и улицы — почти безлюдными.

У обочины резко затормозил черный БМВ.

— Эй, рыжая! Завела себе ухажера? А как же я?

Это был Владлен. И его прихвостни. Они громко смеялись и выглядели нетрезвыми.

— Получше никого не нашла? — Владлен нахально с издевкой разглядывал Костика с ног до головы. — Какой-то чмошник.

— Что вам нужно, ребята? — спросил он неуверенно и отпустил мою руку, явно испугавшись этих ублюдков. Я ощутила разочарование и поняла, что защищать он меня не будет. Рассчитывать снова приходилось только на себя.

— Что нам нужно? — насмешливо передразнил его Владлен, — ты нам точно этого дать не сможешь. Мы не любим мальчиков, нам нравятся девочки.

Он толкнул Костю в плечо, отчего тот пошатнулся и едва не упал, потом попытался обнять меня за плечи.

— Детка, зачем тебе такое ничтожество? Поехали с нами, потусим.

Я резко отбросила его руку и рявкнула:

— Никуда я с вами не поеду!

Шагнула к Косте и сжала его ладонь:

— Пойдем отсюда.

Но Владлен грубо схватил меня за плечо и развернул к себе.

— Зря ты грубишь, девочка. Я всегда получаю что хочу. А сейчас я хочу тебя. У тебя простой выбор: едешь добровольно, расслабляешься и получаешь удовольствие, или мы запихиваем тебя в багажник и трахаем потом всей компанией. Ну как?

— Пошел ты! — выкрикнула я, вырываясь из его рук.

— Ответ неверный, — ухмыльнулся Владлен и кивнул друзьям.

Один из его ублюдков достал из-за пояса пистолет и направил на Костика.

— Ты же не хочешь, чтобы мозги этого идиота растеклись по асфальту?

Владлен сильнее, до боли стиснул мое плечо, схватил поперек горла, прижал к себе спиной.

Костик побледнел, его губы затряслись.

— Считаю до трех. Садись в машину или Михей прострелит ему башку.

Владлен прошипел мне это на ухо и укусил за мочку. До крови.

— Раз.

Я смотрела на то, как все больше бледнеет лицо Кости, как дрожат его губы. Было жаль его. Он даже не попытался сопротивляться.

— Два.

И тут Костик всхлипнул и осел на асфальт.

— Фу черт, он описался, — сказал с омерзением парень, которого Владлен назвал Михеем, но пистолета не опустил.

Щелкнул предохранитель.

Костя заскулил. Жалко. Как собака, в которую бросили камнем.

— Что тут происходит? — раздался сзади решительный голос, и я обернулась. Надежда трепыхнулась, будто испугнутая птичка.

Это был полицейский патруль. Двое высоких, крепких ребят в форме, с дубинками и табельным оружием.

Михей тут же спрятал ствол за пояс брюк.

Я уже вдохнула поглубже, чтобы крикнуть «Помогите!», но рука Владлена закрыла мне

рот.

— Ничего, — ответил он с улыбкой. — Вот застучал свою телку с другим.

Полицейские хохотнули. Я вырывалась, мычала и пыталась укусить жесткую ладонь, заткнувшую мне рот. Костик все также тихо скулил, сидя в луже на асфальте.

— Документики предъявим? — сказал сержант, усмехаясь.

— Нет вопросов, — ответил Владлен и обратился к своему дружку, — Пайк, предъяви господам полицейским документики.

Пайк полез в бумажник и достал оттуда несколько зеленых бумажек. Подошел к сержанту и всунул их ему в нагрудный карман, одновременно наклонившись к уху, и что-то шепнул.

Сержант посмотрел на Владлена, прищурившись, но потом спросил:

— А на ствол-то разрешение есть?

— Конечно, есть, — ухмыльнулся Владлен.

Пайк снова полез в бумажник. Еще несколько бумажек переключали в нагрудный карман сержанта. Тот помялся, козырнул и сказал:

— Вижу, все в порядке. Хорошего вечера.

Патруль растворился в темноте улицы. Мне захотелось взвыть от разочарования и омерзения.

— Ну что, детка, — сказал Владлен. — Решила? Или пристрелить эту падаль?

Михей достал пистолет и приставил его к виску Кости. Тот снова заскулил.

Владлен убрал ладонь.

— Не трогайте его, ублюдки, — я задыхалась от ярости и унижения.

— Вот и умница.

Он все еще прижимал меня к себе и вдруг провел языком по шее. Меня затрясло.

— Сладенькая, — шепнул он мне и больно ущипнул за грудь.

Владлен втолкнул меня в машину, на заднее сиденье, плюхнулся рядом. С другой стороны уселся Пайк. Михей спрятал пистолет и сел за руль.

Я понятия не имела, куда они меня везут. Владлен обнял меня одной рукой за плечо, прижав меня и не давая вырываться, а второй тискал мою грудь, лез за пояс джинсов. Я извивалась, пыталась брыкаться, а когда он попытался поцеловать меня, укусила его за губу. Он охнул и отвесил мне пощечину.

Наконец, машина притормозила, открылись какие-то ворота. Мы явно были за городом.

Как только мы остановились, и закрылись гаражные ворота, Владлен вытащил меня из машины и поволок куда-то вверх по лестнице. Распахнул дверь и втолкнул меня в комнату с большой двуспальной кроватью.

Я споткнулась о порог и растянулась на скользком паркетном полу, уткнувшись носом в коврик из шкуры перед кроватью.

— Правильно, сучка, — зло сказал Владлен. — Ползай на коленях перед своим хозяином.

— Ты мне не хозяин! — прошипела я и попыталась встать на ноги. Но он опять толкнул меня, не давая подняться.

— А кто тогда, если не я? — насмешливо спросил он, подойдя, и сунул мне под нос ногу в пыльном, нечищеном ботинке. — Целуй мне ноги, тварь!

— Пошел ты, — просипела я сквозь стиснутые зубы. Согнулась пополам от пинка в живот.

Пока я лежала, сжавшись в комок от боли и пытаясь вдохнуть, Владлен полез в тумбочку и достал оттуда наручники.

— Эй, где ты такого нахватался? — спросил Михей. Он и Пайк неловко топтались в дверях спальни.

— Папашка балуется со своими телками, — ухмыльнулся Владлен. — И на видео пишет. Я тут нашел недавно.

— Ух ты, — восхитился Михей. — Посмотреть дашь?

— А сейчас и посмотрим!

Владлен встал, отошел к шкафу и достал оттуда большую картонную коробку с дисками. Втолкнул один в плеер и включил большой плазменный телевизор.

Я, наконец, смогла отдышаться и сквозь слезы увидела, как на экране две голые девицы ползали на коленях перед обрюзгшим мужиком в наколках. Меня затошнило.

— Ну что, сучка? — Владлен потянул меня за волосы, заставив посмотреть на него. — Готова поработать?

Я выругалась. Моя голова дернулась от хлесткой пощечины.

— Я заткну твой грязный рот, — прошипел Владлен, расстегивая штаны. — И только попробуй укусить меня. Пристрелю как собаку.

— Я бы не пытался, — хохотнул Пайк. — Гляди, какой зверюкой смотрит. Укоротит тебе достоинство.

В глазах Владлена мелькнул страх. Он видимо очень ценил эту часть своего тела. Рисковать не стал.

За волосы он втащил меня на постель и начал срывать одежду. Я рычала, извивалась, пытаясь его ударить или укусить.

— Пайк, Михей, — бросил Владлен, запыхавшись от борьбы со мной, — чего встали!

Три пары сильных рук буквально распяли меня. Владлен уже успел снять с меня толстовку и футболку, дружки стянули джинсы. На запястьях защелкнулись наручники. Потом он сорвал с меня трусики и грубо затолкал их мне в рот.

— Теперь не будешь кусаться.

Дальнейшее я помню плохо. Было больно, мерзко... и опять больно... Я больше всего хотела отключиться, чтобы ничего не чувствовать. Но беспомощность не приходило.

Устав, он уселся в кресло напротив кровати, закурил и презрительно смотрел на меня, бесстыдно раскрытую, со стекающей по ногам его спермой, розовой от моей крови, с расцарапанной грудью, с разбитой губой и ссадинами на запястьях от наручников, которыми он меня приковал к кровати. Пайк и Михей нетерпеливо топтались рядом, пытаясь от возбуждения. Владлен ждал, что я буду дрожать и рыдать.

А я молчала. Он подошел, не понимая, почему я молчу. Тогда я плюнула ему в лицо. Он опешил от неожиданности и залепил мне звонкую пощечину. И еще одну. И еще. Он с наслаждением бил меня по лицу, возбуждался от этого. И снова насиловал. И снова бил.

Потом уступил меня своим дружкам. И опять насиловал.

Если бы не появился его отец, неизвестно, чем бы это все закончилось. Я, изнасилованная, избитая, с разбитыми губами и заплывшим глазом, чувствовала себя сильнее этого ничтожества и его дружков. При виде бритоголового папаши с бычьей шеей, бесцеремонно ворвавшегося в спальню с самым разгар «веселья», ублюдок тихо сполз с меня и, подобрав штаны, растворился за дверью. За ним так же тихо последовали его прихвостни.

Папаша, увешанный золотыми цепями и синий от наколок, взглянув в мои глаза, понял

все. Отстегнул наручники. Пока я разминала затекшие до синевы запястья, стоял у окна, отвернувшись. В полной тишине я оделась. Он достал пухлый бумажник, отсчитал пачку зеленых и положил передо мной. Я взяла их и ушла. Пешком шла по дороге в город, пока какой-то сердобольный дачник, дедуля лет шестидесяти, не подвез меня до общаги.

За два дня я уволилась из кафе, детского садика, забрала документы из колледжа. И уехала в Москву. Так бесповоротно и жестоко закончилось мое детство.

Я ехала в полупустой электричке и смотрела вперед невидящими глазами. Сухими. Слез не было. Потому что я не могла их себе позволить. Хотела ли я отомстить? Ненавидела ли я его? Конечно. Но больше я ненавидела себя. Я получила то, чего заслуживала. Оттраханная, избитая сука, которой заплатили деньги за ее позор.

Выйдя из вагона, я какое-то время стояла на перроне, не понимая, куда мне идти и зачем. Проходящие поезда манили закончить свое бессмысленное существование под их колесами. Но подумав, я решила, что это слишком легко для такой, как я. Я еще не искупила своей вины. Перед Лексом, которого сдала. Перед матерью, которую не смогла спасти. Перед отцом, которого едва не соблазнила. Перед Костей, который даже не пробовал сопротивляться.

Я бесцельно каталась по разным веткам метро, пока мой взгляд не упал на объявление о наборе персонала в ночной клуб «Спейсер». На глянцевой картинке в темно-бордовых тонах девушка в обтягивающем латексе прижимала палец к губам в жесте, призывающем к молчанию. Что-то было в ее глазах... Под ложечкой у меня засосало, словно я скоро узнаю ответы на свои вопросы.

Глава 3. Зимин

Клуб я нашла довольно быстро. В туалете поправила скрывающий синяки макияж, накрасила губы. Растянула их в дежурную улыбку. Меня замутило от самой себя.

В клубе царил полумрак и тишина. Толстые ковры в коридорах служебных помещений скрадывали шаги. Интерьер был мрачноватым, в черно-бордовых тонах. Обилие клеток, цепей, хромированных шестов и поручней, создавало жутковатый антураж, навевая мысли о пытках и инквизиции. Сердце забилось сильнее, горло пересохло, в животе скрутился тугой узел.

Угрюмый охранник в черной майке, накачанные руки которого сплошь пестрели вычурными цветными татуировками, бесцеремонно втолкнул меня в приемную управляющего.

Секретарша, крашенная в иссиня-черный цвет, с густо подведенными глазами в стиле «смоки айз» и ярко-красной помадой, окинула меня презрительным взглядом, задержавшись на разбитых губах и проступающих сквозь макияж синяках на скулах.

— Виктория Раменская, — произнесла я тихо, опустив глаза. — Хотела бы работать в клубе.

Девушка усмехнулась и нажала на кнопку селектора и произнесла что-то так быстро, что я не разобрала. Мужской голос ответил: «Пусть войдет».

Девушка снова презрительно скривилась и кивнула на дверь, обитую темно-красной кожей.

Переступая порог его кабинета, я почему-то знала, что это изменит всю мою жизнь.

Меня приняли. Управляющий, господин Зимин, строгий мужчина лет сорока, с темными волосами, тронутыми сединой, и пронзительными серыми глазами, долго сомневался, разглядывая мое избитое лицо, задавал странные вопросы, потом заставил снять куртку, встал из-за стола и обошел вокруг меня. Отвратительное ощущение, что он ощупывает меня глазами, словно скотину на базаре. Но я стиснула зубы и твердила про себя: «Ты это заслужила, ты это заслужила». Наконец он остановился прямо передо мной и, сдавив пальцами подбородок, заглянул мне в глаза. Его взгляд будто прошил насквозь, отчего ноги примерзли к полу, я перестала дышать.

Не знаю, что он увидел в моих глазах. Но, удовлетворенно хмыкнув, отпустил меня и, повернувшись спиной, бросил небрежно:

— Принята. Можешь начинать сегодня вечером. Пока на кухне. Там посмотрим.

— Спасибо, — пролепетала я и попятилась к двери.

После месяца мытья грязных тарелок, меня допустили до работы в зале. Работа официанткой была мне не в первой. Правда, немного смущала униформа — слишком короткая юбка из лакового кожзама с молнией сзади снизу доверху и такой же корсет без бретелек. Выбора не было. Париться на кухне посудомойкой было слишком тяжело: пальцы распухали от горячей воды и щелочи, становясь как сосиски, глаза разъедало от испарений.

В свой первый вечер я оделась в униформу и разглядывала себя в зеркало, когда сзади подошла девушка лет двадцати, темноволосая, высокая и статная, одетая также, и сказала:

— Новенькая? С кухни перевели? Ну, давай знакомиться, я Лариса.

— Вика, — ответила я, глядя на ее отражение в зеркале.

— Неплохо смотришься. Тебе идет, — улыбнулась Лариса. — Везет тебе, у тебя грудь маленькая, корсет не будет съезжать. А то я вечно его подтягиваю. Да и облапать все норовят.

Она провела ладонью по своей груди, пышной, полного четвертого размера, явно предмету гордости.

— Ты только за тылом следи, — шепнула она мне на ухо, — а то тут хватает любителей шлепнуть по заднице. Особенно по пятницам.

— А что бывает по пятницам? — спросила я с замиранием сердца.

— Шоу бывает. Увидишь, — загадочно усмехнулась Лариса.

К концу вечера я валилась с ног. Туфли на высоченных каблуках, которые были частью униформы, стали орудием пытки. К тому же я умудрилась уронить поднос с грязной посудой, разбить две тарелки и три бокала.

Алексей Петрович, администратор зала, лысоватый, с брюшком мужчины за сорок, отчитывал меня в тамбуре перед кухней, когда проплывавшая мимо Лариса обняла его за плечи и, томно хлопая глазками, мурлыкнула:

— Ой, да ладно вам, ну новенькая она. Научится.

Администратор расплылся в улыбке и с наслаждением погладил Ларисину грудь.

— Что встала? — рявкнул он на меня. — Иди работай!

И вернулся к своему более приятному занятию — поглаживать сокровище Ларисы.

Когда после закрытия мы убрали остатки посуды в зале, я шепнула ей на ухо:

— Спасибо.

Девушка только улыбнулась мне.

После сдачи выручки оказалось, что даже за вычетом стоимости разбитой посуды, чаевые составили больше тысячи рублей. Небывалая роскошь.

К пятнице я уже бойко бегала на высоченных каблуках, перестала ронять подносы, научилась довольно ловко лавировать среди столиков, не подставляя клиентам мужского пола незащищенный тыл.

В пятницу перед началом работы администратор Алексей Петрович поймал меня за локоть и сказал:

— Так, Раменская. Сегодня приватное шоу, публика будет особая. Я вообще был против того, чтобы ты сегодня работала. Но так захотел сам господин Зимин. Так что цени это. Запомни: ни на кого не пялься в упор, глаз старайся вообще не поднимать. На сцену не глазей, рот не разевай. Если кто будет особо настойчив — говори мне или охране.

Я нервно сглотнула, не зная чего ожидать. Да еще Лариса как назло загадочно усмехалась, глядя на мое испуганное лицо.

Зал постепенно заполнялся посетителями. Ничего особенного пока я не замечала. Публика как публика. Ну разве что попадались мужики одетые в «кожу», густо татуированные, и девицы в нарядах вроде наших, да еще и в собачьих ошейниках с заклепками, шипами, а то и со стразами.

Девочки «гоу-гоу» сегодня работали не на сцене, а в металлических клетках, расставленных по ее углам.

Часов в десять на сцену с потолка спустили блестящие цепи и крюки на веревках, и появился ведущий в кожаных штанах и жилетке и торжественно объявил начало шоу.

Заказов было много, и я, помня предупреждение администратора — не глазеть, бросала на сцену взгляды лишь изредка. Этих взглядов хватало, чтобы мое сердце то замирало, то

грозило выскочить из груди от сладкой жутки.

Странно одетый мужик в черной маске и с плеткой в руках вытащил из клетки одну из девочек, связал ее руки веревкой, повесил за них на крюк и принялся стегать по заднице, почти оголенной, не считая тонких веревочек стрингов. Девочка извивалась, выпячивая попку, подставляя ее под удары. Потом мужика сменила женщина в высоких сапогах и кожаном обтягивающем комбинезоне, тоже в маске. Она вывела на сцену на поводке, пристегнутом к ошейнику, молодого парня, тоже почти голого. Откуда-то сверху спустили нечто, напоминающее большое колесо от телеги. Женщина подтолкнула парня к этому колесу и пристегнула к нему, затянув ремни на запястьях, лодыжках и шее. Потом какой-то мужчина подал ей тонкий хлыст, вроде тех, которыми пользуются наездники. Вскоре привязанный к колесу парень стонал под ударами хлыста, выкрикивая что-то вроде «Спасибо, госпожа!».

Так я впервые увидела закрытое шоу. Клуб «Спейсер» в котором я работала, оказался с тематическим уклоном. Конечно, аббревиатура БДСМ для меня не была совсем уж непонятной. В век интернета и свободы печати я и раньше видела странные картинки и видеоролики — жуткие, иногда вызывавшие отвращение, иногда красивые темной, запретной красотой. Но впервые увидела все это так близко.

Управляющий клубом, господин Зимин, не практиковал сам, но имел в сообществе определенный вес и вел активную работу по рекрутированию. Еще ходили слухи, что он подбирает сабов для богатых клиентов под заказ и ведет финансовые дела Московского сообщества. Однажды для разговора по душам в его кабинет вызвали и меня.

Зимин был вежлив и обходителен. Предложил присесть, налил в бокал немного коньяка. Долго смотрел на меня внимательно и изучающе. Потом спросил, довольна ли я своей работой. Я не поднимала глаз, разглядывала свои судорожно сцепленные руки, молча кивнула. Тогда он поинтересовался, понравилось ли мне шоу. Я не знала, что ему ответить. Зимин усмехнулся. И начал говорить сам.

Он рассказал, что существует организованное сообщество людей, практикующих подобные отношения, и состоять в нем значит «быть в Теме». Обычные отношения, немного презрительно именуется «ванильными». Потом объяснил, что тематические отношения всегда строятся на трех незыблемых принципах — добровольности, разумности и безопасности. И что люди, позволяющие себя связывать и пороть, делают это исключительно по своему желанию.

Я все так же молчала, не поднимая на него глаз. Отчего-то выражение лиц тех девушек и парней, которых пороли на сцене во время шоу, напомнило мне жуткую и сладкую картинку из детства. Мамино лицо, когда я застала их с отцом. Та же необъяснимая смесь муки и наслаждения. И тут же сжала бедра, почувствовав возбуждение и стыд. А Зимин, судя по всему, это понял и продолжил говорить о разных направлениях Темы — доминирование и подчинение, бондаж и дисциплина, собственно садизм и мазохизм. Сказал, что последнее не приемлет, и считает крайностями. Вкрадчиво спросил, не хотела бы я попробовать. Я отрицательно покачала головой, испытал страх от того, что он может меня заставить. Отдать кому-то, кто свяжет мне руки, посадит в клетку и будет пороть плетью.

Но Зимин мягко улыбнулся и сказал, что не собирается на меня давить. И что если вдруг я передумаю — он всегда будет рад помочь.

Теперь я понимаю, что, наверное, должна быть ему благодарной. Именно Тема расставила по полочкам всё в моей никчемной жизни. Указала мне на мое место. Позволила

разобраться в себе и принять себя такой, какой я была. Перестать себя ненавидеть. Заставила себя уважать.

То, что рассказал мне Зимин, стало лишь отправной точкой. Он не заставлял и не уговаривал. Просто дал информацию для размышления.

Днем между сменами в своей маленькой съемной комнатухе в старом сталинском доме я пролистывала страницы тематических сайтов и знакомилась с этим странным и страшным миром. Читала статьи, размышления на форумах. Смотрела видео, разглядывала картинки, иногда отвратительные, иногда странно красивые. Многие сразу отмела, как совершенно невозможное для меня. Многие и не имели к Теме никакого отношения, являясь, по сути, грязной порнухой или играми психически нездоровых людей. Но все чаще ловила себя на мысли, что мне хочется испытать все самой. Что-то во всем этом было притягательное и возбуждающее.

Зимин вызывал меня к себе еще несколько раз. Я упрямо качала головой. Страх был сильнее любопытства.

Однажды я решила поговорить об этом с Ларисой, которая стала мне почти подругой, продолжая меня выделять среди других девчонок и почти по-матерински опекать.

На мое малопонятное бормотание, в основном состоящее из междометий, она только улыбнулась.

— Зимин тебя обрабатывает?

Я кивнула, покраснев.

— Не парься. Он со всеми так. Ко мне почти год приставал. Все рассказывал, как это здорово и замечательно. Я сразу ответила, что слишком себя люблю, чтобы позволить обращаться с собой как с собакой. Это как надо себя ненавидеть, чтобы ловить кайф от того, что тебя хлещут по щекам, связывают и вытягивают плетками?

Ее слова крепко засели у меня в голове. Кажется, я начинала понимать, отчего в отличие от Ларисы, я испытывала это странное любопытство и сладкий ужас. Я не любила себя. И не просто не любила. Я себя ненавидела. Какое-то смутное чувство, что этот жуткий гротескный сумрачный мир, вербовщиком которого был господин Зимин, может дать мне то, что я так отчаянно и безуспешно искала.

Конечно же, работа официантки не была пределом мечтаний. Распухшие после смены на каблуках и стертые в кровь ноги, вечные синяки на мягком месте от проявления симпатии нетрезвых клиентов, прокуренный, пропахший дешевыми духами и потом зал. Все это вскоре мне стало недоедать и вызывало глухое раздражение.

Через полгода Лариса мне дала телефон одного своего знакомого, который искал помощника по бизнесу — девушку без особых претензий, усидчивую и готовую к рутинной бумажной работе. Я позвонила и вскоре, бросив работу в клубе, устроилась в крошечную фирму, занимавшуюся грузоперевозками. Мой шеф, немолодой, вечно уставший, иногда с похмелья, по счастью, не проявлял ко мне никакого сексуального интереса. Это меня устраивало больше всего. Я все еще панически, до истерики боялась всего, что хоть как-то могло напомнить о сексе. У Бориса Аркадьевича была молодая и эффектная жена, а я старалась изо всех сил выглядеть незаметной серой мышью. Работа с накладными, заказами, счетами на бензин и маршрутными листами была скучной, но она как нельзя лучше успокаивала и приводила в гармонию мой внутренний мир.

Но, уходя из клуба «Спейсер», я, наконец, решила, как мне казалось, преодолела свой страх, и оставила у Зимина свою анкету, где после недолгих раздумий написала в графе «ваш

статус» английское слово "bottom". Это означало, что я готова играть роль подчиненного нижнего партнера, сабмиссива или саба в сокращенном варианте. А нижних женского рода в Теме ласково называли сабочками.

Принимая от меня анкету, Зимин победно улыбался и произнес, сжав мою руку:

— А я знал. У меня чутье на сабочек. Почуял это в тебе, как только увидел. Но ты с характером. И без опыта. Не думай, что быстро найдешь себе хорошего верхнего. Это не так просто. Только смотри, не ищи на стороне. Можешь нарваться на банального маньяка. За своих клиентов я отвечаю. Да, и еще: если когда-нибудь кто-то нарушит правила, ты обязана сообщить. То же самое относится и к тебе. Ясно?

Я молча кивнула.

Первое письмо пришло мне на почту лишь спустя месяца три. Мое нетерпение и жгучее любопытство первых дней давно успело улечься. Я почти забыла о том, что оставила анкету, закрутившись в рутине своих монотонных бумажных дел на работе и унылых одиноких вечеров перед стареньким телевизором.

Первая моя сессия, которую я ждала с таким трепетом, не принесла мне ничего, кроме синяков, боли, ужаса и стыда. Я не смогла заставить себя беспрекословно выполнять приказы чужого мне мужчины, который к тому же и не пытался наладить со мной никакого контакта или как-то объяснить, за что он шлепает меня стеклом и бьет по щекам. До сексуальных воздействий и вовсе не дошло. Когда он сковал меня наручниками и пристегнул к кровати, я снова почувствовала себя избитой оттраханной сукой. Меня охватил панический ужас, я истошно закричала, из глаз ручьем полились слезы. Мой неудавшийся верхний, перепугался, тут же освободил меня и выпроводил вон, назвав психованной истеричкой.

Я в слезах позвонила Зимину и сказала, чтобы он уничтожил мою анкету, что Тема не для меня. Он ответил, что уберет. Пока. Но что я все равно вернусь.

Может, так бы оно и было. Но тут случилось то, что выбило меня из колеи на несколько месяцев. Из выпуска новостей я узнала, что погиб мой отец. Глупо. Жестоко. Разбился на служебной машине, как я потом узнала по секрету от его друзей, сев пьяным за руль.

Не помню, как собирала вещи и ехала домой. Не помню самих похорон, на которые еле успела. Помню только запах хвои, пронизывающий ветер на кладбище, вырывающий ледяными пальцами сердце из груди. Незнакомых людей, что-то мне говоривших, обнимавших, сжимавших мои холодные руки. Выстрелы прощального караула, разрывавшие мне мозг. Горький вкус водки. Пустоту внутри. И тяжелое, непосильное осознание, что в мою копилку смертных грехов, в мешочек с черными камнями на моей шее, положили еще один. Теперь я должна была Богу еще и за смерть своего отца. Я не сомневалась — это была моя вина. Только моя.

Я прожила в родном городке две недели — больше не смогла. Пустая холодная квартира, все еще пропахшая жутким запахом похоронных венков, портрет отца с черной ленточкой рядом с таким же, маминым, отцовская форма, висящая в шкафу, его фуражка на вешалке и мамино пианино — это все, что осталось мне от моего детства. Я понимала, что если не уеду — снова попаду в психушку или выброшусь из окна. Родственников у меня больше не было. Мамины родители умерли довольно давно, когда мне было лет шесть или семь. Бабушка со стороны отца и того раньше, а дедушка, тоже милиционер, погиб еще до его рождения. Друзья отца помогли мне получить деньги за квартиру родителей и отцовскую машину, не дожидаясь шестимесячного срока для оформления наследства. Забрав разные мелочи — мамины украшения, отцовские награды, фотоальбомы и еще пару-тройку вещей, я

вернулась в Москву. Больше у меня в родном городе никого

Денег, что я привезла, и тех, что успела скопить, хватило на маленькую квартирку на Краснофлотской. Только вот работу я потеряла. Фирмочка моего босса разорилась после того, как по фальшивым документам у нас украли несколько тонн дорогой аппаратуры. Расплатиться он не мог, а на страхование грузов всегда жалел денег.

После недолгих раздумий я снова пошла к Зимину. Официанткой работать мне больше не хотелось. Но мой опыт работы с бухгалтерскими документами показался ему полезным. Я стала помощником бухгалтера — пожилого благообразного человечка со смешной фамилией Кац. Для идеального образа ортодоксального еврея ему не хватало пейсов и кипы. По словам Зимина, он был асом в бухгалтерии. Моих скромных способностей хватало на то, чтобы делать рутинную работу. Платили больше, чем официантке, да и работа была намного легче и не в ночную смену.

Иногда Зимин с загадочной ухмылочкой спрашивал меня, не передумала ли я насчет анкеты. Я только качала головой и снова вздрагивала от ужаса.

Но вечерами в своей полупустой квартирке я обхватывала себя руками и тихо выла. От тоски, одиночества, ненависти, презрения и отвращения к самой себе. Хлестала себя по щекам. А однажды утром проснулась в крови. Я расцарапала ногтями внутреннюю поверхность бедер. Я по-настоящему испугалась. Снова попасть в психушку, как тогда, после смерти матери, я не хотела. Но и угодить в таком состоянии в руки какого-нибудь маньяка тоже было страшно.

Судьба смилостивилась надо мной. Наверное, впервые.
не осталось и ничего не держало.

Глава 4. Исповедник

Вечером, когда я уже уходила домой, меня вызвал к себе Зимин. Предложил присесть, налил мне коньяку. Правда, я отказалась. Алкоголь ненавидела с детства. Возможно, из-за отца.

Посмотрев на меня искоса, управляющий помолчал, а потом сказал тихо:

— Думаю, тебе несказанно повезло, малышка.

Я посмотрела на него с недоумением.

— В Тему вернулся один очень уважаемый в нашем сообществе человек. О нем не слышали несколько лет. Говорят, что эти годы он провел в тибетском монастыре, просветляя свой дух. Он носит имя Исповедник. Если ты ему понравишься — он сможет ввести тебя в Тему так, как никто другой. Я дам ему твой имейл?

— Но я забрала свою анкету, — возразила я не слишком уверенно.

Зимин усмехнулся. Потом обошел стул, на котором я сидела, встал сзади и внезапно схватил меня за волосы, заставив откинуть голову.

— Не обманывай себя и меня, — сказал он жестко, глядя мне прямо в глаза. — Ты же сходишь с ума. Медленно съезжаешь с катушек. Ты или вскрыешь себе вены, или сядешь на иглу. Я видел такое, малышка. И не раз. Исповедник — твой единственный шанс. Не упusti его.

Письмо от Исповедника пришло на мой имейл через три дня. В нем был список ограничений и очень подробный договор. Также там был номер в скайпе и предложение поговорить. Поскриптумом было помечено то, что я не единственная, кому отправлено такое письмо, и выбор он оставляет за собой.

Я позвонила Исповеднику только на следующий день. Читала договор. Представляла себя, связанной, с повязкой на глазах, с кляпом во рту, подвешенной на цепях, извивающейся под ударами плети. Возбуждалась, задыхалась от стыда и ужаса. Страх от того, что этот незнакомец, которому я собиралась отдать себя, может со мной сделать, пробивал меня ледяной дрожью. Сжимала зубы, представляя боль, которую он может причинить. Но что была физическая боль перед той, что разрывала мою душу? Что был этот стыд перед отвращением, которое испытывала каждый раз, когда смотрела в зеркало?

Слушая тиллююкание скайпа, я боялась и надеялась, что он не ответит. Что он уже выбрал себе нижнюю и развлекается в каком-нибудь подвале.

Но после мучительных минут ожидания мне ответил мужской голос. Тихий. Спокойный. И какой-то печальный.

— Тебя зовут Виктория? — спросил голос и приказал: — Включи камеру!

Я нервно пригладила волосы и выполнила приказ.

— Встань и немного отойди, чтобы я мог видеть тебя во весь рост! — снова приказал голос.

Я повиновалась. Нервно сглотнув, подумала, что если он прикажет мне раздеться, то сброшу звонок.

— Ты мне нравишься. Можешь сесть, — спокойно произнес голос.

Я осторожно присела на краешек стула, словно была не дома, а в кабинете врача.

— Так у тебя нет никакого опыта в Теме? — спросил он.

— Нет, — тихо ответила я, опуская глаза и смутилась, потому что не знала, как его называть.

— Тебя никогда не связывали? Никогда не пороли? — абсолютно бесстрастно спросил голос.

— Нет, — ответила я еще тише. — Почти.

— В детстве? — голос стал немного мягче.

— Да, — выдохнула я.

— Ты девственница? — опять равнодушие и бесстрастность.

Сил говорить больше не было. Я просто покачала головой.

— По согласию?

Боже праведный, он что, читал мои мысли?

Я снова покачала головой.

Какое-то время он молчал. Следующий его вопрос поверг меня в шок.

— Ты его ненавидишь? Хотела бы отомстить?

Я молчала, опустив голову. На глаза навернулись слезы, и я не понимала из-за чего.

— Отвечай или наш разговор окончен! — строго приказал он.

— Нет, — всхлипнула я. — Наверное... не знаю.

Мне показалось, что он вздохнул. Потом произнес:

— Считаю договор заключенным. В пятницу в восемь вечера. Адрес и схему проезда я вышлю тебе на имейл. Не опаздывай. Я люблю точность.

И отключился.

Я просидела перед ноутбуком в полном ступоре довольно долго. А потом захлопнула его и разрыдалась. Впервые за долгие месяцы я рыдала, словно ребенок, и чувствовала, как внутри меня что-то разжимается, отпуская все то, что гноилось и болело.

Оставшиеся до пятницы три дня я не могла работать, постоянно впадая в оцепенение, прокручивая в голове выученный почти наизусть договор. Кац раз за разом перечеркивал мои расчеты и цокал языком, бормоча что-то вроде «одни парни на уме».

В четверг на мой электронный адрес пришло письмо со схемой проезда. К нему прилагался список вещей, которые я могу с собой взять. Их было немного. Туалетные принадлежности и паспорт. Мобильный телефон в этот список не входил, так же как одежда и косметика. Насчет косметики было особое указание, точнее, о ее полном отсутствии.

Сталинская квартира на Академической была огромной. Высоченные потолки с лепниной, большие окна, завешенные плотными портьерами. Станный запах: кофе, воска, кожи и строго-сдержанного изысканного мужского парфюма. Я робко прошла внутрь, не решаясь поднять глаза на хозяина квартиры. Из-под ресниц я видела только домашние мягкие туфли и строгие темные брюки.

— Твоя комната в конце коридора, — произнес знакомый мне голос. — Сними одежду и прими душ. Волосы собери в хвост. Надеюсь, ты помнишь — никакой косметики.

— Да, — тихо ответила я и запнулась. Я так и не знала, как его называть.

— Можешь называть меня монсеньор, — произнес он, вновь угадав мои мысли. По спине пополз холодок.

Я просто кивнула в знак согласия, задохнувшись от ужаса, что он мог посчитать это неуважением.

Быстро приняла душ, постаравшись не намочить волосы, расчесала их и собрала в тугой хвост, похвалив себя за то, что в моей сумке всегда лежала простая черная резинка.

Завернулась в пушистое белое полотенце, предусмотрительно оставленное для меня хозяином и, выйдя из ванной, прошла в указанную мне комнату. Она оказалась простой, почти спартанской. Покрытый лаком паркетный пол, светло-персиковые стены, кровать с кованой железной спинкой, несколько замшевых пуфов и такая же замшевая банкетка. Никаких атрибутов Темы — цепей, крюков, крестов и скамеек для порки. Только черный комод в углу с пятью большими ящиками. Скорее всего, все «игрушки» Исповедник хранил именно там.

На полу лежала черная шелковая подушка. Поняла, для чего она была предназначена, аккуратно поставила сумку на пол рядом с кроватью, сняла полотенце и опустилась на колени. Как там в договоре? Глаза в пол, бедра разведены, руки за спиной. Стандартная поза покорности. И стоп-слова: красный, желтый.

Он вошел, мягко ступая, и остановился прямо передо мной.

— Встань! — приказал он спокойно.

Поднялась, не отрывая глаз от пола, продолжая видеть все те же домашние туфли на его ногах. Но брюки сменились на шелковые полы длинного китайского халата.

Он обошел меня кругом. Не касаясь. Но я чувствовала, как по мне скользит его изучающий взгляд, и вдруг задохнулась от жгучего стыда. Мне нестерпимо захотелось прикрыться, схватить сумку и убежать.

— Ты можешь уйти в любой момент, — сказал он тихо и немного печально. — Хочешь уйти?

Я уже открыла рот, чтобы сказать «да». Но в голове всплыли слова Зимина: «Ты же сходишь с ума. Медленно съезжаешь с катушек. Ты или вскрыешь себе вены, или сядешь на иглу... Исповедник — твой единственный шанс...». Сжала зубы и помотала головой.

— Хорошо, — произнес он все так же тихо. — Тебе не нужно меня бояться. Или стыдиться. Просто представь, что мы знакомы очень-очень давно. У тебя нет оснований мне доверять, но попробуй. Перестань контролировать себя, оценивать. В этой комнате контроль принадлежит мне. Все очень просто. Я приказываю — ты выполняешь. Без раздумий.

Он уже снова стоял передо мной. Его прохладные пальцы сжали мой подбородок. Совсем не сильно. Но я ощутила, что если захочет — сотрет мои кости в порошок одними кончиками.

— Посмотри на меня, — я вздрогнула, сердце трепыхнулось и сбилось с ритма.

У него были очень странные глаза. Разного цвета. Один — золотисто-карий с темными крапинками на радужке. Другой — серо-стальной, холодный, словно осколок льда. Посмотрев в них, я поняла, что взгляда отвести не смогу, пока он сам этого не захочет. Кроме этих странных глаз я больше ничего не видела. Какого цвета его волосы, смуглый он или бледный, молодой или старый. Только глаза.

— Зачем ты пришла? — этот ритуальный вопрос прозвучал неожиданно. И я с ужасом поняла, что не знаю на него ответа.

Открывая беззвучно рот, я не могла произнести ни звука.

— Зачем ты пришла? — повторил он, и тишина повисла в комнате.

Мои мысли метались, словно лучи стробоскопа на танцполе. Господи, ну что я должна ответить?!

— Не вспоминай. Скажи правду. Ты не можешь лгать мне. За ложь последует суровое наказание, — в звуке его голоса словно перекачивались камешки, становясь все крупнее и крупнее.

Наказание... И тут мой мозг будто осветило вспышкой.

— Я... — промямлила хрипло и несмело, — хочу быть наказанной, монсеньор.

Неожиданно для меня Исповедник тихо рассмеялся. Стало обидно.

— Это неправильный ответ. Но искренний. И за что ты хочешь быть наказанной?

Я снова молчала. Как я могла сказать ему про мать, отца и то, что я изнасилованная сука, которой заплатили за ее позор? Это значило обнажить перед ним еще и душу. Перед чужим, странным, страшным мужчиной, перед которым я стояла голой и беспомощной, трепещущей от ужаса, который он внушал.

— Ты должна сказать мне! — уже строже произнес он. — Ты всегда должна знать, за что несешь наказание. Я ничего не даю даром — ни боли, ни наслаждения. Запомни хорошенько. Если, конечно, хочешь остаться. Итак, за что ты хочешь быть наказанной?

— Я... не знаю, — наконец выдохнула я, уже понимая, что только что совершила непоправимую ошибку.

— Зато я теперь знаю, — он не повысил голоса, но меня пробрало до костей леденящим страхом. — Только что я сказал, что ложь сурово наказуема. Ты солгала.

Он отошел к комоду, выдвинул нижний ящик и достал оттуда что-то. Обернуться я не смела, примерзшая к полу. Меня колотило, но внизу живота все сжималось от сладкого ужаса.

Он подошел сзади и тихо проговорил:

— Я не хотел сегодня причинять тебе боль. Мы могли бы просто поговорить. Но ты сама сделала этот выбор. На колени! — приказал он резко. — Руки над головой!

Я рухнула как подкошенная, больно стукнувшись коленками о деревянный пол. Исповедник защелкнул на моих запястьях наручники, потом снова отошел и придвинул ко мне один из пуфов.

— Ложись, — повелел он, — руки вниз!

Цепочку от наручников он пристегнул карабинами к металлическому ободу, идущему по низу пуфа, заставив меня сползти вперед. Я лежала поперек пуфа, упираясь коленями в пол, и моя задница оказалась выпяченной вверх. Пуф был мягким, замшевым, но эта мягкость была словно насмешка по сравнению с жестким металлом наручников.

Прохладная сухая ладонь погладила меня по ягодицам, скользнула ниже, прошлась по внутренней стороне бедра, раздвигая ноги шире. Потом пальцы осторожно проникли внутрь, и я инстинктивно сжалась.

— Не бойся, — спокойно произнес Исповедник, — мне просто нужно, чтобы ты стала влажной.

Влажной? Я была суха, как пустыня. Сердце колотилось от ожидания боли и наказания. Как я могла быть влажной?!

— Забудь о боли. Расслабься, — он снова гладил мои ягодицы, нежно, ласково, потом опять скользнул внутрь, нащупал клитор, мягко помассировал. Я закрыла глаза, чувствуя, как от его пальцев идет внутрь теплая волна.

— Вот так, молодец, — шепнул он мне на ухо, — теперь открой рот.

Я распахнула глаза.

— Нет, — снова шепот над ухом, от него щекотно. — Я сказал открыть рот, а не глаза. Ну же!

Я послушалась и тут же ощутила, как он положил мне в рот что-то гладкое, овальное, похожее на яйцо.

— Это нужно согреть и смазать, — прошептал он и продолжил ласкать мой клитор. — Достаточно.

Он забрал у меня эту вещицу, и вскоре я тихо вскрикнула, когда он одним движением ввел ее в меня.

— Итак, Виктория. Ты хотела быть наказанной. Но ты солгала. Я должен научить тебя говорить всегда правду. Я буду задавать тебе вопросы. За каждый правдивый ответ ты будешь получать награду.

Что-то еле слышно щелкнуло, и это штука внутри меня тихо, а потом сильнее завибрировала, рождая сладкие волны дрожи внутри.

— Тебе нравится, ведь так? — шепнул Исповедник мне на ухо.

Я тихо застонала, не в силах сопротивляться накачивающему удовольствию.

И тут же вибрация прекратилась.

— Но если ты снова солжешь, — продолжил он и выпрямился.

В следующую секунду мне показалось, что все тело взорвалось от обжигающей резкой боли. Это была не плеть, удар был почти беззвучным. Но боль была просто непередаваемой. Прохладная ладонь тут же погладила место удара, облегчая мои страдания.

— Это называется трость. Я знаю, это очень больно. Но ты же хотела быть наказанной? Ответь мне!

— Да, — всхлипнула я и взвизгнула от нового удара.

— «Да», кто, Виктория? — грозно спросил Исповедник.

— Да, монсеньор! — прохрипела я, глотая слезы.

Я уже проклинала себя за свои опрометчивые слова насчет наказания.

— Ну что же, пора приступать. Скажи мне еще раз, зачем ты пришла ко мне?

Я лихорадочно соображала, что ответить. Что он может посчитать правдивым, а что нет? Господи, помоги мне! Я чувствовала, что он теряет терпение. И выпалила то, что всплыло в памяти из прочитанного и просмотренного в сети по Теме:

— Чтобы служить... Вам, монсеньор.

Я не видела, но чувствовала, что он улыбнулся.

— Это правильный ответ, Виктория.

Вздых облегчения вырвался из моей груди. Но тут же мой зад обожгла нестерпимая боль.

За что?!

— Но он неискренний. Ты опять солгала.

Слезы брызнули из глаз, было больно и обидно.

Снова ладонь погладила отчаянно ноющее место удара.

— Пока ты не готова так ответить. Это не правда. Попробуй еще раз.

Я отчаянно пыталась придумать ответ, кусая губы и давясь слезами. Тупая, тупая... Как же я себя ненавижу!

— Мне нравится боль... — прошептала я и сжалась, точно зная, что последует дальше.

Удар. Испепеляюще-белая вспышка в голове.

— Боль не может нравиться, Виктория. Ты не такая. Это ложь. Еще раз.

И опять ласковая ладонь на пылающей коже.

Господи... Выкрикнуть стоп-слово, чтобы прекратить эту пытку? Но я забыла о нем. Эта жестокая игра в детектор лжи захватывала меня, заставляя испытывать какой-то болезненный азарт.

— Не придумывай ответы, Виктория, просто будь со мной откровенна, — неожиданно мягко посоветовал он.

Слезы душили меня, задница горела огнем, руки затекли, спина болела. А главное, я знала точно, что ему не надоест. Он может продолжать эту игру вечно. Пока я не сдамся. Пока я не обнажусь перед ним вся, не только телом, но и душой. Именно этого добивался Исповедник. Он словно копался пальцами в моей истоптанной, заплеванной и местами загнившей душе, пытаюсь найти ту самую занозу, что была причиной воспаления.

Новый удар мне полагался за долгое молчание. И он сорвал наконец плотину моего терпения.

— Ненавижу! — взвыла я, корчась в истерике, содрогаясь всем телом, впиваясь зубами в замшевую обивку пуфа.

Ласковая ладонь гладила, успокаивала, дарила облегчение.

— Кого, Виктория? Кого? Меня? — Исповедник снова шептал мне на ухо, щекоча дыханием.

— Себя! — выкрикнула я злобно и снова разрыдалась.

И замерла, задохнулась от вибрации внутри. Так сладко... Ласковая прохладная ладонь на моей горящей огнем заднице и нежные пальцы гладят, скользят, щекочат.

— Отпусти, — нежный шепот, как дуновение ветерка, над моим ухом. И я отпустила. Содрогаясь в сладостных судорогах, взвыла, как мартовская кошка, выгнулась дугой, захлебнулась от острого наслаждения, так густо приправленного отчаянием и страданием.

Исповедник осторожно освободил мои руки, подхватил под колени и отнес на кровать. Положил на живот, развел ноги и бережно извлек игрушку. Я почувствовала, как он смазывает мою многострадальную задницу чем-то пахнущим мятой, и боль стала утихать.

Исповедник укрыл меня мягким одеялом, почти невесомым, и нежно коснулся губами моего виска.

— Сейчас ты сможешь поспать. Ты умница, Виктория. Ты даже не догадываешься, какая ты умница.

Эти простые, ничего не значащие слова неожиданно породили в душе цунами. Мощная теплая волна прокатилась внутри меня, смывая, ломая, изменяя ландшафт моего внутреннего мира. Я опять заплакала, но слезы были сладкими и приносили ни с чем несравнимое облегчение.

— Спасибо, — я всхлипывала, не понимая, отчего я шепчу эти слова, — спасибо, спасибо... монсеньор...

Поймала губами его ладонь, пахнущую мятой и моим возбуждением. Прижалась поцелуем, словно к иконе, в благоговении.

— Ну... ну... — пальцы бережно погладили меня по щеке. — Это истерика. Тебе нужно отдохнуть. Потом мы поговорим.

Я послушно провалилась в небытие, без звуков и образов.

— Виктория, — тихий голос и нежное прикосновение к моей щеке.

Открыв глаза, я заморгала, не понимая, где нахожусь.

— Твой завтрак, — произнес он, протягивая мне высокий стакан с трубочкой. Я села в постели, натянув одеяло, и осторожно прикоснулась к запотевшему стеклу.

Потягивая через трубочку белковый коктейль с клубничным вкусом, я из-под опущенных ресниц рассматривала Исповедника.

На вид ему можно было дать лет сорок пять. Темные волосы, тронутые на висках

сединой. Волевое лицо с резко очерченными скулами и строго поджатыми губами. И эти удивительные глаза. Он тоже разглядывал меня, но открыто, прищурившись, испытующе.

— Ты в порядке? — спросил он. — Все еще хочешь остаться?

— Да, — ответила я. И, спохватившись, добавила: — Да, монсеньор.

Он лукаво улыбнулся:

— Ты быстро учишься. Но снова ошиблась.

Я чуть не поперхнулась коктейлем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты не можешь говорить, пока я не разрешу, — его странные глаза производили совершенно незабываемое впечатление. В карем плясали веселые смешинки, а серо-голубой примораживал к месту ледяным презрением.

— И я не повторяю дважды. Ты еще хочешь быть наказанной?

Нервно сглотнула, а выпоротая задница вновь заныла. Молча опустив глаза, сидела, совершенно растерянная.

— Ответь! — тихо приказал Исповедник.

Я отчаянно пыталась собрать мысли, расплзшиеся, как тараканы на кухне, когда зажгли свет.

— Если так посчитает нужным монсеньор, — наконец выдохнула я.

— Я же говорил, что ты умница, — мягко произнес Исповедник. — Отличный ответ, Виктория! Продолжай в том же духе, и я забуду про твою оплошность.

Он встал с кровати и проговорил спокойно и строго:

— У тебя полчаса на утренний туалет. Я вернусь и надеюсь увидеть тебя готовой к сессии.

В ванной было огромное зеркало, и я смогла разглядеть свою выпоротую попу. Она выглядела намного лучше, чем мне представлялось. Исповедник был мастером своего дела. Красные следы еще были заметны, но, скорее всего, синяков не останется.

И снова я стояла на коленях на шелковой подушке, голая, возбужденная и влажная.

Мягкие шаги... Те же домашние туфли и алые полы китайского халата. Он прошел мимо, не останавливаясь. Почувствовала себя ненужной, забытой вещью. Это было больно и обидно. Закусила губу, чтобы не заплакать.

Слышала, как он выдвинул ящик, и меня затрясло нервной дрожью, так, что зубы выбили дробь. На плечо легла прохладная ладонь.

— Не бойся. Доверяй мне.

И я поняла с изумлением, что и вправду доверяю ему. Своему Исповеднику.

Глаза закрыла шелковая повязка. Она была плотной и не пропускала света.

— Ты можешь сесть.

Я присела, стараясь устроить свою еще побаливающую попу на удобную подушку.

На плечи мне лег теплый плед.

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне о своем детстве! — Это был приказ, хотя и мягкий. И боль в том месте, на котором я сидела, напомнила мне о том, что будет, если его не выполнить.

Вдохнув, словно перед прыжком в воду, я начала путано, сбивчиво и бестолково лепетать о Сережке Молчанове, о Лексе и Елке, о смерти мамы, гибели отца, о том, как сбежала в Москву. Исповедник молчал, но я кожей чувствовала, что он не доволен тем, что я говорю. Дойдя до знакомства с Владленом, я не смогла больше продолжать. Всхлипнула и

замолчала.

— Что ты почувствовала, когда умерла твоя мать? — вдруг спросил Исповедник.

Я задохнулась. Я не могла ответить. Но и не могла солгать.

— Виктория? — голос стал ледяным.

По спине пополз холодок. И я решилась:

— Вину, — прошептала еле слышно.

— А когда тебя порол отец?

Зная ответ, сказала уже не задумываясь:

— Вину.

— А когда тебя насильовали?

— Вину, — шевельнулись губы, уже привычно.

Исповедник молчал. Я перестала дышать. Слушала удары своего сердца и ждала... Чего?

Я не знала.

Повязка с моих глаз исчезла, и я заморгала от яркого света.

Он сидел на корточках и смотрел мне в лицо. Я опустила глаза.

— Нет, — он поднял мой подбородок пальцами, — смотри на меня. Тебе кто-нибудь говорил, что ты красива?

Я покачала головой.

— Что ты желанна?

Снова отрицательный ответ.

— Что тобой можно гордиться?

Опять простое движение головы. Слева направо.

— Что же мне делать с тобой, Виктория?

Прохладная ладонь провела по моей щеке, пальцы коснулись губ. Я задрожала. Меня разрывало на части от тысячи противоречивых чувств.

— Ты наказываешь себя за чужие грехи, — тихий голос так печален.

Он встал и мягко приказал:

— Ложись на кровать!

Я выполнила приказ, не задумываясь. Это оказалось так просто.

— Руки над головой!

Мягкие кожаные наручники плотно обхватили запястья, такие же поножи — лодыжки. Щелкнули карабины. Снова беспомощная, обнаженная, раскрытая. Но с изумлением поняла, что страха нет. Только возбуждение и тлеющее внизу живота желание.

— Ты ненавидишь, потому что не знаешь себя, Виктория.

Исповедник присел рядом на постель. Выражение его лица было странным. Смесь жалости, желанья, нежности. Но серо-голубой глаз все так же сиял ледяным холодом, рассеивая иллюзию.

— Закрой глаза, Виктория. Просто слушай мой голос и чувствуй мои руки.

И его прохладные ладони начали путешествие по моему напряженному до дрожи телу.

Шея, плечи, грудь... Пальцы сжали соски, сначала легко, потом до боли. Воздух со свистом вырвался из моих легких.

— Такая гладкая, шелковистая кожа, — он урчал, словно большой кот, у меня над ухом и щекотал дыханием шею, — и грудь, почти идеальная.

Ладони обхватили ее, будто взвешивая, примеряя к себе.

— Разве можно это ненавидеть? — это был вопрос, не требующий ответа.

Ребра, талия, живот... ниже... мимо... Я снова выдохнула, хрипло, со стоном. Бедро, ноги...

— Такая красивая, нежная. Солнечная девочка...

Там, где меня касалась его рука, под кожей словно пробежали электрические разряды. Это было приятно. Очень. И непривычно.

Ладони двинулись вверх — и исчезли, не дойдя до того места, где сосредоточилась ноющая тяжесть.

И вдруг вернулись, приподняв мои ягодицы и раскрывая меня сильнее. А потом я едва сдержала крик: его язык скользнул между складок, и я дернулась, как от удара током.

— Тише... — выдохнул он, и я опять вздрогнула от его дыхания на самом чувствительном местечке. — Ты такая вкусная.

Я задышалась. От стыда, жгущего меня, как растопленный сахар, и нестерпимо сладкого удовольствия, которое разливалось по телу, расходясь волнами снизу вверх, до самых кончиков пальцев.

— Отпусти, Виктория.

Мне показалось, что я умерла. Лопнула мыльным пузырем, рассыпалась мелкими брызгами. В моем теле не осталось костей, я была как медуза на горячем песке.

А губы и язык уже завладели моими сосками. И оказалось, что грудь не менее чувствительна, чем то место, которое они только что покинули. Снова меня начала затапливать горячая волна; я металась на подушке, кусая губы, чтобы не кричать.

— Не сдерживай себя, почувствуй свое тело, послушай, как оно поет.

И я выпустила себя. Стонала, рычала, кричала, хрипела, рыдала... Я тонула в невероятных чувствах, в которых захлебнулся мой стыд.

Подушечками пальцев он провел по моим искусанным губам, понуждая их раскрыться. И один палец скользнул мне в рот. Не раздумывая, я обхватила его губами.

— Все правильно, Виктория, правильно. Попробуй, какая ты вкусная.

И я действительно почувствовала вкус своего возбуждения. Сладко-соленый. Палец лег мне на язык, слегка надавив. Мне захотелось пососать его, будто конфету.

— Да, умница.

Палец покинул мой рот, оставив неудовлетворенное желание.

— Открой глаза.

Он был большим. Толстым. Узловатым.

— Попробуй теперь меня! — это был приказ. Легкое сомнение и желание. Я хотела этого, хотя и задрожала от страха.

Осторожно прикоснулась языком. Солено-сладкий. Как и я. Нежно обхватила губами, и он подался вперед, проскальзывая мне в рот глубже, осторожно, но неотвратимо. Я задохнулась, когда он достал до стенки горла.

— Дыши носом. Дыши...

Я дышала, стараясь подавить рвотный рефлекс. Я очень старалась. Он отступил, давая мне передохнуть. И снова двинулся вперед. Я опять обхватила его губами и провела языком по гладкой головке.

Резкий выдох... Он доволен мной! Доволен! Меня охватило радостное возбуждение. Я могу! Могу!

Его стоны, сдержанное рычание... Сильнее, глубже, еще глубже. Дыши... дыши... Он замер — и горячий поток ударил в мое горло. Я захлебнулась, но всё же смогла проглотить.

— Умница, какая умница! Ты справилась.

Теплые пальцы погладили меня по щеке.

Исповедник освободил меня, встал, запахнув свой халат.

— Можешь отдохнуть. Принять душ. У тебя полчаса. Потом я вернусь.

Он ушел, оставив меня сбитой с толку, опустошенной. В голове медленно опадали разноцветные обрывки мыслей. Но теплое чувство от его похвалы сидело в груди пушистым клубочком. Буквально заставила себя прощмыгнуть в ванную, запахнувшись в оставленный им для меня шелковый темно-красный халат.

Теплая вода, стекая по телу, напомнила о его прикосновениях и снова породила тугой комок внизу живота. Вытираясь, я поймала в зеркале свой взгляд и изумилась. Глаза горели, щеки пылали, как в лихорадке, губы полуоткрыты. Я провела кончиками пальцев по губам, все еще ощущая во рту Его вкус. Закрыв глаза, я не заметила сама, как мои пальцы скользнули между ног.

— Виктория! — грозный окрик заставил меня вздрогнуть всем телом. Жесткая рука схватила меня за собранные в хвост волосы и потянула вниз и назад, заставляя упасть на колени и запрокинуть голову. Больно стукнулась коленками о кафель пола, но пронзивший меня стыд от проступка был сильнее боли.

— Ты должна была запомнить правило, — каждое слово как стук молотка, вбивающего гвоздь в крышку моего гроба, — твое удовольствие принадлежит мне! К тому же ты опоздала! Видимо, я слишком с тобой мягок.

Намотав на кулак мои волосы, он протащил меня по коридору в комнату и швырнул на пол. Боясь поднять на него глаза, я тихонько подвывала от ужаса, скорчившись на полу. Опять была четырнадцатилетней девчонкой, только что застуканной отцом за мастурбацией. Ладони заныли от хлестких ударов отцовской линейки. Нестерпимо хотелось ползти и молить о пощаде. Но в памяти всплыло лицо отца, перекошенное от ярости. Когда я скулила и плакала, он только больше злился.

Я резко выдохнула через зубы, справившись с истерикой. Встала на колени. Глаза в пол. Зубы сжаты. Руки за спиной. Я была готова принять любое наказание.

Исповедник стоял прямо передо мной. Я не видела его лица. Но слышала, как он несколько раз глубоко вдохнул, как на занятиях йогой.

— Ты заслужила наказание, — ледяной голос, но гнева больше нет. — Назови число от трех до семи.

— Семь, монсеньор, — спокойно ответила я, понимая, о чем идет речь.

— Ты слишком сурова к себе, — лед в голосе стал на градус теплее. — Достаточно пяти.

— Встань!

Послушалась. Противно дрожали колени. Но я стиснула зубы еще сильнее, не давая им стучать.

— Вытяни руки вперед. Ладонями вверх.

Мой худший кошмар воплощался наяву. Стало по-настоящему страшно. Словно Исповедник побывал у меня в голове. Благоговейный ужас охватил все мое существо, ноги подгибались, но я из последних сил цеплялась за остатки мужества и хотела принять свое наказание достойно.

— Посмотри мне в глаза.

Боже праведный! Меня словно окатило ледяным душем. Но на самом дне его золотисто-

карего глаза светилось что-то, что придало мне сил. «Ты умница, Виктория... Кто-нибудь говорил тебе: «Я тобой горжусь?»»

— Считай, Виктория!

Свист гибкого стека — и обжигающая боль вышибла слезы из моих глаз. Я сильнее сжала зубы, но взгляда не отвела.

— Один, — больше всего похоже на шипение.

— Громче, считай громче!

Снова удар. Белый всполох боли. Как же больно!

— Два! — выкрикнула и почувствовала облегчение.

Третий удар — и мне показалось, что на ладонях лопнула кожа.

— Три! — то ли крик, то ли хрипение.

Четвертый заставил меня дернуться, как от удара током.

— Четыре! — это уже вой раненого зверя.

Последний был самым ужасным. Может, потому, что был последним.

— Пять! — прохрипела я, сдерживая рыдания из последних сил.

Я не отвела глаз, не разрыдалась, не молила о пощаде.

Исповедник молчал. Я так ждала слов похвалы. Ради них я выдержала эту муку. А он молчал.

Безразлично отвернулся. Отошел к комоду. Выдвинул ящик. Достал что-то.

Я все также стояла, вытянув дрожащие от напряжения и пульсирующие от боли ладони.

Он подошел ко мне вплотную, взял в руки одну, жестом приказав опустить другую. Легко, едва касаясь, провел пальцами по горячей коже, втирая мазь. Повторил то же с другой.

Пристально посмотрел мне в глаза. Бесстрастный, ледяной. Неумолимый. Слезы рвались изнутри, заставляя губы дрожать, во рту было горько и отчаянно щипало в носу. И вдруг он улыбнулся.

— А ты гордая, — то ли похвала, то ли осуждение. — Но это не все твоё наказание. На колени! Руки за спину!

Опять обжигающий лед.

На запястьях защелкнулись наручники.

— Посмотри на меня.

Подняла глаза, сморгнув пелену так и не пролившихся слез.

Жесткие пальцы сжали подбородок.

— О чем ты вспоминала, когда ласкала себя, Виктория? Отвечай! — бесстрастный голос, ни тени насмешки. И никаких шансов, что я смогу не ответить.

Меня захлестнул жаркой волной стыд.

— Вас, монсеньор, — прошептала я, опуская глаза, не в силах смотреть ему в лицо.

— Точнее! И я не разрешал отвести взгляда!

Веселые смешинки в золотистой глубине... ледяной холод серой стали...

— Во рту, — сама не поверила, что сказала это.

Едва заметная улыбка тронула строго сжатые губы.

— Ты вчера произнесла слово «служить», не понимая его истинного значения. Сегодня я покажу тебе, что это значит. А наказание твоё будет состоять в том, что освобождения ты не получишь. Если посмеешь кончить без разрешения — будешь наказана. Жестоко.

Я нервно сглотнула. Как я могу этим управлять?!

— А теперь служи мне, Виктория! Так, как и хотела! — сквозь лед приказа — то ли насмешка, то ли предвкушение.

И я служила. Всем своим телом. Повинуясь ему радостно и беспрекословно.

На коленях с открытым ртом, направляемая его руками, то нежными, то жесткими, то ласкающими, то дарующими сладкую боль, его властным голосом, иногда прерывистым и похожим на рычание, когда он, взяв в кулак мои волосы, изливался в мое горло, распростертая под ним на кровати, с прикованными к изголовью руками.

Впервые с того дня, когда меня лишили девственности, во мне был мужчина. Он не был осторожен или нежен, скорее груб. Но я приняла его с благоговением. Он имел право на всё. Мой повелитель, мой Исповедник. Мой Бог.

Мое тело пело в его руках, как хорошо настроенный инструмент в руках музыканта, но за полшага до освобождения он оставлял меня жаждущую и истекающую от желания.

Когда силы покинули меня, он освободил мои руки, мягко растер запястья, внимательно осмотрев их. Укрыл одеялом.

— Можешь поспать, Виктория. Надеюсь, ты усвоила урок? Я могу оставить твои руки свободными? Ответь!

Я слышала его голос как сквозь толщу воды, глаза закрывались сами собой.

— Да, монсеньор.

Очнулась я от ощущения его ладоней на своем животе. Меня мягко, но бесцеремонно перевернули, словно куклу.

— Синяков нет, — казалось, он говорил сам с собой.

Прохладная ладонь провела по спине и остановилась в верхней части, слегка нажав. Вторая проникла под живот и приподняла бедра, которые через секунду легли на небольшую подушку. Снова мой зад оказался бесстыдно выпяченным вверх.

— Руки над головой! — тихо, но не оставляя сомнений, приказал он.

Шелк нежно скользнул по запястьям — он привязал мои руки широким шарфом к изголовью кровати.

Пряный, мускусный запах наполнил воздух. На плечи легко легли его ладони, ставшие теплыми и скользкими. Они гладили, массировали, разминали. Я уплывала на мягких волнах блаженства, разливающегося по моему телу. Волшебные руки спускались все ниже; на поясицу пролилось теплое ароматное масло. Застонав, я почувствовала, что на грани. Но тут же вспомнила приказ...

— Монсеньор... — прошептала я.

— Я знаю, Виктория, — он так спокоен. Как он может быть спокоен?

Скользя по моим ягодицами, сжимая их, пальцы словно невзначай скользнули между ними и покружили вокруг узкого входа. Я дернулась, сердце заколотилось от животного ужаса.

— Нет! — вскрикнула я.

Но он не остановился, проникнув внутрь одним пальцем. Добавил еще один.

Дура... я забыла... Остановить это может только стоп-слово! Но оно примерзло к моему небу.

Пальцы скользнули ниже, и я выдохнула, чтобы в следующее мгновение задрожать, когда они нашли набухший клитор.

Опять я таяла от мучительной сладости, жгучей и сводящей с ума. И в тот момент, когда я не могла больше сдерживать рвущиеся наружу потоки обжигающей лавы, он шепнул мне на

ухо:

— Теперь можно.

Это было извержением вулкана. Но в тот момент, когда меня накрыло, он скользнул в мой зад, разорвав резкой болью. И замер...

У меня вырвался дикий, нечеловеческий крик.

— Тшш, — ласковый шепот, и пальцы вновь кружат на клиторе, таком чувствительном, что меня бьет током от легчайшего прикосновения. Боль так тесно сплетена с удовольствием, что я уже не понимаю разницы. Он снова двинулся, осторожно, медленно. Слезы текут по щекам, пропитывают подушку. Вперед... назад... опять вперед... снова назад... И теплая волна заново уносит к небесам, стирает боль. Я умираю и кричу... умираю... кричу... и опять умираю...

После разрывающего чувства наполненности было так странно ощущать пустоту. Его ладони шире развели мои бедра, и я дернулась. Мягкое касание прохладной влажной губки сверху вниз. Это было неожиданно и очень приятно. Из моего горла вырвалось какое-то кошачье урчание.

— Ты умница, Виктория. Я так тобой горжусь.

Он правда это сказал? Или мне почудилось?

Уже проваливаясь в сон, почувствовала, как он отвязал мои руки. Вынул подушку, укрыл меня пледом.

Последнее, что я услышала, был его голос, почти ласковый:

— Я закончил с тобой, Виктория. Когда проснешься, можешь одеться и ехать домой. Если не передумаешь за неделю — в следующую пятницу в восемь. И не опаздывай.

Мягкие губы коснулись моего обнаженного плеча. А может, мне это уже приснилось?

Вечером в своей квартире я пыталась понять, что со мной сделал Исповедник. То, что я вернулась другой, было очевидно. Еще по дороге домой в метро ловила на себе взгляды чужих людей и мне казалось, что каждый из них знает, почему так распухли мои губы, отчего болит задница и ноют ладони. Я краснела, жарко, заливаясь краской и потем. Но вместе с тем я видела, как в глазах мужчин мелькает что-то похожее на восхищение. Никто и никогда не смотрел на меня с восхищением. Я вспоминала слова, что Исповедник шептал мне на ухо, лаская мое тело. И оно немедленно отзывалось сладкой истомой. Сжимала колени, кусала губы и закрывала глаза.

В ванной я разделась догола и долго смотрела на себя в зеркало. Пыталась увидеть то, что видел он. И вдруг поняла. Мне уже не так противно мое отражение. Отдавая себя в руки Исповедника, я словно передала ему право меня ненавидеть и наказывать, сняв со своей души этот непосильный груз. Будто и вправду он отвязал от моей шеи этот мешочек с черными камнями, забрал его себе. Теперь я знала: за каждый проступок я заплачу болью и слезами. Но они больше не будут копиться, отягощая мою шею, пригибая меня к земле.

В сумке я нашла баночку с мазью, членский билет в тренажерный зал и листок бумаги с напечатанным текстом. Этот текст предписывал мне еще два дня смазывать мазью попу и ладони, а также с завтрашнего дня приступить к тренировкам в кардиозале на выносливость. Еще надо было сделать полную депиляцию воском.

Читая этот текст, я испытала самые разные чувства. Легкое раздражение, оттого что мне, словно маленькому ребенку, указывали, что делать. И странное теплое чувство, потому что обо мне заботился этот мужчина. Я знала его всего неделю, но уже стояла перед ним голая на коленях. Он брал меня всеми известными мне способами. Он связывал и бил меня. Его тихий печальный голос звучал у меня в голове. И я хотела вернуться. Хотела снова услышать от него: «Я горжусь тобой, Виктория». Ради этих слов я готова была вытерпеть что угодно.

В понедельник, когда я корпела над счетами за электричество и воду, меня вызвал к себе Зимин.

Я вошла и осторожно присела на край стула. Зимин стоял, прислонившись к письменному столу. Его губы тронула усмешка.

— Побаливает? — спросил он.

Я фыркнула и хотела уйти, но он схватил меня за руку.

— Не бесись. Я только хотел еще раз напомнить, что Исповедник выбрал тебя из девяти претенденток. Дорожи этим. Он лучший. Он поможет тебе.

Когда я вышла из кабинета, Алиса, та самая секретарша с иссиня-черными волосами и макияжем «смоки айз», спросила:

— Ты новая сабочка Исповедника?

Я опешила. За два года, что я проработала в «Спейсере», эта странноватая девушка ни разу не удостоила меня разговором или даже взглядом.

— А что? — ответила я вопросом на вопрос.

— Повезло, — Алиса посмотрела на меня с завистью. — Меня он в свое время не выбрал. Служи ему хорошо, детка, и станешь уважаемым человеком в Теме.

— Ты хотела быть его нижней? — удивилась я.

— А кто не хотел? — усмехнулась секретарша. — Это как пропуск в элиту. Он приказал тебе ходить в кардиозал?

— Ага, — ответила я. — А ты откуда знаешь?

— Детка, — Алиса покровительственно улыbnулась мне, — я в Теме четыре года. Вкусы Исповедника известны. И он их не меняет. Меняет только сабочек. Не реже чем раз в полгода. Не думаю, что ты продержишься дольше. Хотя ты странная. Есть в тебе что-то такое... Кстати, можем пойти вместе. Я в этот зал хожу давно. Познакомлю с тренером нормальным, который лапаты не станет.

— Хорошо, — согласилась я.

Так началась наша странная дружба.

Неделя прошла незаметно. Мои мышцы болели от непривычных тренировок, но я чувствовала себя гораздо лучше. В моей голове словно навели порядок. Мысли текли плавно и стройно. Господин Кац был мною очень доволен и даже посоветовал мне пойти на бухгалтерские курсы.

Уходила с работы в пятницу и волновалась, будто перед первым свиданием. Пока ехала в метро, не могла успокоить сердцебиение, взлетела по уже знакомой лестнице без пяти восемь и, затаив дыхание, нажала на звонок.

И только когда я уже стояла обнаженная на коленях в своей комнате, с ужасом поняла, что забыла про депиляцию. Это осознание придавило меня к полу, словно бетонная плита. Я слушала его мягкие шаги, и мне казалось — это идет моя Судьба.

— Так-так, — он спокоен и печален. Разочарован. И это разочарование хуже, чем если бы он ударил меня по лицу.

Слезы текли по щекам, но говорить я не смела.

— Почему, Виктория? Это невнимание и неуважение. Хочешь что-то сказать?

— Простите, монсеньор, — еле выдавила я: слова будто примерзли к небу. Оправдываться глупо. Молча дрожала и краснела от стыда.

— Я не люблю начитать сессии с наказания. Поэтому накажу тебя завтра. Десять ударов плети. Ты будешь считать и просить о каждом следующем. А сейчас постарайся загладить свою вину. Ты знаешь, зачем ты пришла ко мне?

— Да, монсеньор, — меня переполняло раскаяние и радость от того, что я точно знаю ответ. И он искренний. — Служить вам, монсеньор!

— Хорошо, Виктория, — мне показалось, что лед в его голосе подтаял. — Начни свое служение ртом.

Он не уходил от меня до самого утра. И даже позволил мне кончить несколько раз. Оставил меня на кровати, заботливо укрыв пледом. Сил на душ не осталось. Но я знала, что служила ему хорошо.

А утром состоялось мое наказание. Это была моя первая серьезная порка. Чистая, испепеляющая разум боль. Но я выдержала. И даже не сбилась со счета.

Глотая соленые слезы с привкусом крови из прокушенной губы, услышала пение ангелов: «Ты молодец, Виктория. Я тобой так горжусь».

Урок я выучила хорошо. Наказывать меня Исповеднику пришлось снова только спустя два месяца. Я опоздала к нему на полчаса. По большому счету моей вины не было — все московские пробки, в которых застрял крошечный автомобильчик, подаренный Исповедником по случаю моего дня рождения. Я успела за месяц научиться его водить, а с

получением прав помог Зимин.

На этот раз Исповедник выбрал деревянную лопатку. Это было очень больно. Задница болела почти неделю.

А однажды я умудрилась подхватить простуду. Провалилась в постели с температурой две недели и не смогла выполнять свои обязанности. О моей болезни Исповедник узнал, скорее всего, от Зимины. Тем же вечером он был у меня в квартире с пакетом лекарств. Ухаживал за мной, как за родной дочерью. Растирал, ставил горчичники, поил микстурой от кашля и заботливо укутывал одеялом. Правда сразу же сообщил, что я понесу жестокое наказание за пренебрежение своим здоровьем и за то, что лишила его удовольствий на время болезни.

Так моя задница познакомилась с плетеным кнутом. Этот девайс, как оказалось, был его любимым. И владел он им совершенно виртуозно.

Но Исповедник не так просто носил свое имя. Каждую сессию он заканчивал долгой беседой.

Мы говорили о разных вещах. Он постоянно ставил меня в тупик, перескакивая с темы на тему, задавая вопросы, отвечать на которые было иногда стыдно, иногда больно. Иногда просто невозможно. Но я знала, что не ответить не могу. И даже не потому, что потом буду наказана. А просто потому, что он был моим Исповедником.

Он познакомил меня с собой. Со своим телом, со своей душой. Несмотря на то, что два дня в неделю была его собственностью, его вещью, я стала относиться к себе с уважением. Он заботился обо мне. Радовался каждому моему успеху. Огорчался вместе со мной промахам. Я чувствовала, что ему доставляет удовольствие моя боль, но его печаль была такой искренней. Он был всегда справедлив. Я знала, что и муки и удовольствия мною заслужены.

За то время, что была его нижней, я закончила бухгалтерские курсы, и он устроил мне праздник по случаю получения диплома. Научил кататься на горных лыжах, ездить верхом. Он водил меня в музеи и на выставки. Советовал, какие прочитать книги, какие посмотреть фильмы. А потом мы вместе их обсуждали. Я чувствовала себя родившейся заново. Он меня менял, лепил, ваял, будто скульптор. И ему нравился результат своей работы. От той никчемной, избитой, оттраханной суки не осталось ничего. По крайней мере, так я думала.

Исповедник как-то сказал, что видит во мне потенциал топа. Конечно, спорить я не посмела, но искренне удивилась и не поверила.

Однажды он взял меня с собой на тематическую вечеринку в один закрытый клуб. Я очень волновалась. Специально для меня было куплено вечернее платье, длиной едва достигающее до колен, с открытой спиной, глубокого изумрудного цвета, выгодно подчеркивающее мои темно-рыжие волосы и бледную кожу. И перед самым выходом торжественно надел на меня серебряный ошейник с выгравированными на нем двумя ладонями, сложенными в молитвенном жесте. Знак того, что я — его собственность.

Полутемный зал был заполнен странноватой публикой. Хорошо одетые мужчины, женщины в вечерних нарядах были перемешаны с татуированными бритоголовыми рокерами в косухах и затянутыми в латекс полногрудыми девицами. Исповедник усадил меня за столик в ВИП-зоне. Шоу было красочным, с фейерверками, огненными фонтанами, над сценой парили подвешенные на цепях или веревках полуголые девушки, устрашающего вида мужики в масках эффектно стегали их различными кнутами, плетками и стеками, втыкали иглы, поливали расплавленным воском, мастера банджа опутывали тела своих жертв

изошренной паутиной веревок.

Я смотрела во все глаза. «Спейсер» не мог похвастаться такими масштабными и яркими представлениями. Да и «Мохито» был здесь гораздо лучше.

Увлеклась зрелищем и не сразу заметила, как к нашему столику подошла статная женщина за тридцать в дорогом строгий костюм. Она почтительно склонилась перед Исповедником и поцеловала ему руку.

— Надежда, — произнес он с улыбкой. — Рад тебя видеть.

Жестом он указал на стул, который уже успел подставить расторопный официант.

Женщина окинула меня оценивающим взглядом. Я опустила глаза, почувствовав в ней властную силу. Она явно была со мной не по одну сторону.

Я краем уха слушала их разговор. Несколько фраз было небрежно брошено обо мне. Но в основном они обсуждали какие-то события в мире Темы, новые практики и новинки девайсов. Разговор закончился уговором о совместной сессии, и я заволновалась. В списке моих жестких ограничений всегда были публичные унижения и передача меня другим доминантам. Но я чувствовала, что, если Исповедник захочет отдать меня кому-то, я скорее соглашусь, чем скажу стоп-слово и разорву наш договор.

В пятницу я, как обычно, приехала к нему в восемь. На постели в своей комнате нашла довольно странный наряд: короткую кожаную юбочку, корсет на шнуровке, высокие сапоги. Без лишних вопросов оделась и с интересом разглядывала себя в зеркало. Исповедник вошел неслышно и положил мне руки на плечи:

— Такая красивая. Настоящая Госпожа.

Я не верила своим ушам. Госпожа?!

И тут меня пронзила ужасная мысль: он больше не хочет меня! Он разрывает наши отношения! Я рухнула на колени и прижалась губами к его руке:

— Монсеньор, — всхлипнула отчаянно, — вы прогоняете меня?!

Он поднял меня с пола и взял в ладони мое заплаканное лицо:

— Глупая, — сказал он почти нежно, — конечно, нет. Просто мы приглашены в гости.

И я решил тебя представить как свою ученицу. Начинающую Домину. Тебе понравится.

Потом взял с комода свой ошейник и одел мне на шею.

— Но между нами ничего не изменилось. Ты все также моя.

— Спасибо, монсеньор. — Судорожно схватила его ладонь и поцеловала.

Дом, куда мы были приглашены, был огромным особняком на Рублевском шоссе. Забор высотой метра три, охрана у входа. Исповедник помог мне выйти из машины, и я, содрогнувшись от холодного ветра, поглубже запахла шубку. Мой странный наряд нисколько не грел в этот морозный декабрьский день.

Хозяйка, затянутая в кожаный комбинезон, встретила нас в гостиной, где жарко пылал камин. На дорогом наборном паркете лежали выделанные шкуры, на стенах, стилизованных под каменную кладку, висели кривые сабли. Я узнала Надежду, ту самую женщину, что подсаживалась к нашему столику на тематической вечеринке в VIP-клубе. Почтительно склонившись перед Исповедником, она легко прикоснулась губами к его руке, потом оглядела меня с головы до ног с покровительственной улыбкой.

— Надежда, — мягко произнес Исповедник, — это Виктория. Ты видела ее в клубе, она моя ученица. Пробует себя в роли Домины. И будет счастлива участвовать в твоём мастер-классе.

— Как когда-то я, — улыбнулась Надежда и снова посмотрела на меня, уже с

интересом. — Добро пожаловать, Виктория.

Я осторожно пожала поданную мне сильную, твердую ладонь. Все это было так необычно, волнующе.

Надежда предложила нам присесть, и я устроилась на краешке кожаного глубокого кресла, испытывая возбуждающую неловкость от ощущения прохладной кожи на своих обнаженных бедрах. Юбочка была слишком короткой, крошечные стринги вовсе не давали ощущения защищенности.

Исповедник и хозяйка обсуждали предстоящую сессию, я почти не слушала. Сердце колотилось от неизвестности, горло пересохло, я облизывала сохнувшие губы.

— Ну что же, пора начинать, — произнесла Надежда. — Мой мальчик уже заждался. Виктория, не сомневаюсь, что проблем с послушанием у тебя нет. На сегодняшний вечер Исповедник передал мне свои права на тебя. Ты делаешь то, что я говорю, без сомнений и вопросов. Ясно?

Я беспомощно посмотрела на Исповедника. Но он, улыбаясь, наклонил голову, подтверждая ее слова.

— Да, госпожа, — ответила я хрипло.

— Отлично! — произнесла Надежда с воодушевлением, вставая со своего кресла. — Прощу за мной.

Мы спустились по лестнице на цокольный этаж и попали в довольно просторное помещение с низким потолком, выложенным шершавыми керамическими плитками полом и такими же стенами. В металлических кольцах на стенах горели светильники, стилизованные под факелы, на полу — сотни свечей. Комната была наполнена всевозможными девайсами, дорогими и навороченными: крест из полированного дерева с ремнями для фиксации, двухуровневая скамья для порки, высокий деревянный стол, кованая кровать, нечто, похожее на школьного гимнастического «коня», устрашающего вида деревянное кресло с ремнями и цепями. С потолка тоже спускались цепи, заканчивающиеся металлическими кандалами. Одну стену занимал стеллаж со всевозможными плетками, хлыстами, стеками, лопатками, кнутами, там же стоял большой черный комод, в точности как у Исповедника. В дальнем углу — клетка, как в зоопарке. В клетке, скорчившись в позе зародыша, лежал совершенно голый парень в кожаном ошейнике с металлическими кольцами, таких же наручах и поножах. В полутьме я не видела его лица, но сердце защемило от странного предчувствия.

Надежда сняла со стены «кошку», плетку-семихвостку, каждый ремешок которой заканчивался металлическим наконечником, и подошла к клетке. Проведя плеткой по прутьям, она сказала ласково:

— Сладкий мой, пора вставать. Ты готов получить свою порцию боли?

Парень поднял голову и встал на четвереньки:

— Госпожа моя, — произнес он с обожанием, — презренный раб мечтает об этом.

Я взглядела в лицо парня и застыла на месте. Это был Владлен.

Исповедник почувствовал мое состояние и стиснул мне руку.

— Что случилось? — спросил он тихо.

Я открывала беззвучно рот, глотая ставший густым и горячим воздух. Исповедник повернул меня к себе и больно сжал пальцами подбородок.

— Виктория? Что с тобой? Тебе нехорошо?

Боль немного привела меня в чувство.

— Это... он, — выдохнула я.

— Кто «он»?

Мои губы тряслись, в глазах закипали слезы. Я опять была избитой, оттраханной сукой. Заныла разбитая и прокушенная губа, внизу живота тянуло и саднило.

Исповедник понял всё. Прочитал в моих глазах животный страх и ненависть. Тихо усмехнулся:

— Надо же. Как тесен мир, — и отошел к Надежде, что-то прошептал ей на ухо.

Она посмотрела на него удивленно. Потом на меня — мне показалось, сочувственно. Затем на Владлена — презрительно. Он скорчился под ее взглядом и заскулил, как собачонка. Жалкий, омерзительный.

Исповедник вернулся ко мне, что-то держа в руках. Черная шелковая полумаска легла мне на лицо.

— Так тебе будет комфортнее. Снимешь сама, когда посчитаешь нужным. Не бойся. Это будет весело.

Он погладил меня по щеке, ободряя, и подтолкнул вперед, к клетке.

Надежда уже открыла ее и выволокла Владлена, ухватив за ошейник. Он хрипел, но пытался поцеловать ее руку, в которой она сжимала плетку. Мне стало противно.

— Сладкий мой, — пропела Надежда, приподняв лицо Владлена, стоящего на коленях у ее ног, под подбородок рукоятью плети, — сегодня тебе повезло. Я провожу мастер-класс для начинающей Домины. Тебе достанется двойная порция. Ты же счастлив?

— Да, госпожа, — проскулил Владлен, — я так счастлив!

— Встань, раб, — приказала Надежда.

Парень поднялся на ноги, опустив глаза в пол.

Госпожа пристегнула к свисающим с потолка цепям наручи на его запястьях за металлические кольца. Потом отошла к стене и покрутила какую-то ручку. Цепи натянулись так, что парень повис, едва касаясь пальцами ног пола.

— Тебе нравятся крики? — спросила у меня Надежда. — Или заткнуть его кляпом?

— Пусть покричит, — ответил за меня Исповедник и снова сжал мою руку. Меня трясло, будто в лихорадке.

— Ну что, сладкий мой, — проворковала Госпожа, оглаживая ребра парня рукояткой плети, — готов? Десять ударов. Считай. И проси о каждом следующем.

Владлен всхлипнул.

Свистнула плеть. Он закричал, тоненько и жалко.словно щенок. Меня замутило.

— Один! Спасибо, госпожа! Могу я получить еще? — Дрожащий голос, в нем мука и сладострастие.

После пятого Надежда протянула плеть мне.

— Давай, девочка. Оторвись, — в ее голосе мне почудилось сочувствие.

— Ты можешь, — ладонь Исповедника легла мне на плечо, и я почувствовала, как в меня вливается сила.

Я взмахнула плетью и вложила в удар всю мою ненависть к этому ублюдку.

— Шесть! — завизжал он, и на коже живота, куда пришелся мой удар, вспухли темно-багровые полосы. — Спасибо, госпожа! Может раб получить следующий?

Второй удар я нанесла по спине, и металлический наконечник рассек кожу до крови.

— Легче, девочка, легче, — укорила меня Надежда, — не порть его шкурку.

Владлен скулил и просил еще, корчась от боли, раскачиваясь на цепях.

Я стегала его плетью и испытывала совершенно новое для меня ощущение власти.

Освобождая свою ненависть, злость, я упивалась чувством полного обладания его жалким, исхлестанным телом. Десятый удар я нанесла по животу, а наконечник одного из хвостов плети чиркнул по его сморщенному члену. Владлен взвыл от боли.

Я выронила плеть, тяжело дыша. Исповедник обнял меня за плечи, прошептал на ухо:
— Умница, Виктория. Тебе понравилось?

Я не знала, что ответить. То, что сейчас наполняло меня изнутри, не имело названия. Это было адской смесью самых противоречивых чувств — от радостного возбуждения до гадливости и презрения. И самое странное, я не испытывала сочувствия. А ведь я была на его месте. И хорошо знала эту боль, обжигающую огнем кожу.

Надежда тем временем колдовала над обмякшим телом Владлена, опутывая его паутиной банджа из толстых веревок. Вскоре он уже покачивался над полом животом вниз, с запрокинутой головой, взнузданный, как лошадь, руки связаны за спиной, веревки опоясывали поясницу, проходили через промежность, ноги согнуты в коленях и широко разведены. Парень мычал и вращал глазами, силясь что-то сказать.

Госпожа взяла его лицо в ладони, заглядывая в глаза.

— Ты боишься? Сладкий мой, — она смачно поцеловала его в губы, — доверься нам. Будет больно. Но ты же любишь боль?

Владлен замычал. Надежда погладила его по груди, по животу, сжала в ладони член, провела по ягодицам. Потом отошла к комоду и достала оттуда большой черный фаллоиммитатор.

Парень дернулся и замычал громче.

— Я знаю, сладкий. Знаю, — сочувственно сказала Надежда, подходя к нему сзади и сжимая ягодицы, — тебе не нравится, когда тебя имеют. Но придется потерпеть. Ради меня. И своей новой Госпожи. Смотри, какая она красивая.

Исповедник подтолкнул меня к парню, который, покачиваясь на веревках, тихо скулил. Я оказалась прямо перед его лицом. И в тот момент, когда Надежда резко ввела в его зад фаллоиммитатор, Исповедник сорвал с меня маску и спросил:

— Помнишь ее? Не отводи глаз! Смотри на нее!

И он смотрел. Широко открытыми, наполненными болью глазами. Шумно выдыхая каждый раз, когда в его зад входил искусственный член. Я видела, как по его щекам стекают слезы. И мне вдруг стало его жаль. Я провела пальцами по его щеке, стирая мокрую дорожку.

— Я тебя прощаю, — вырвалось само собой.

Когда мы возвращались, меня трясло от пережитого. Исповедник посматривал в мою сторону тревожно. Казалось, что он жалеет о том, что привез меня к Надежде.

Он открыл дверь и пропустил меня в квартиру. Я сразу прошла в свою комнату, сняла свой наряд Домины и, завернувшись в халат, ушла в душ. Стоя под горячими струями, я все еще видела перед глазами перекошенное, жалкое лицо Владлена. К горлу подступила тошнота. Когда я вышла, Исповедник позвал меня на кухню. Я даже не удивилась, ощущая себя разбитой, уставшей и опустошенной. Он указал мне жестом на стул и поставил передо мной чашку с чаем.

— Пей. Тебе нужно согреться и прийти в себя.

Я сжала пальцами теплый фарфор, согревая их. Исповедник положил на стол плитку шоколада.

— Не помешает. У тебя стресс. А шоколад — то, что нужно.

Я машинально протянула руку. И вздрогнула всем телом, когда он накрыл мою ладонь своей.

— Я не знал. Правда. Какая ирония судьбы.

Я подняла на него изумленные глаза. Он извинялся?!

— Но так даже лучше. Ведь лучше, Виктория?

Я не была уверена, что то, как я себя чувствовала, можно было назвать «лучше». Но я снова была его сабом, следовательно, спорить с ним было непозволительной роскошью.

— Да, монсеньор, — ответила я безразлично. — Вы правы. Так лучше.

Он посмотрел на меня странно, с прищуром, словно пытался залезть мне в голову. Потом скомандовал:

— Допивай чай и отправляйся спать. Я разбужу тебя завтра рано.

Я кивнула и вдруг поняла: я не почувствовала привычного возбуждения от ожидания завтрашней сессии. Что-то во мне сломалось.

Засыпая, надеялась, что это просто стресс. И завтра все будет по-старому.

Но по-старому не было. Я выполняла приказы Исповедника машинально, как заводная кукла. Он менял игрушки и девайсы, пробовал другие воздействия. Но все было тщетно. Впервые за столько месяцев ему так и не удалось заставить меня кончить. Ни разу. За всю сессию.

Он отпустил меня домой, понимая, что ничего не добьется.

В четверг после занятий в кардиозале Алиса спросила, что со мной творится. Я сказала, что впервые в жизни хочу выпить до полусмерти. И мы напились. У нее дома. Да так, что обе в пятницу на работе представляли из себя ходячие трупы бледно-зеленого цвета. Это было мое первое похмелье.

К Исповеднику я приехала, все еще мучаясь от головной боли и ощущения сжавшегося в комок желудка.

— Ты что, пила? — изумленно и осуждающе спросил он и тут же предупредил: — Только не смей мне врать!

Моя задница слишком хорошо знала цену лжи.

— Да, монсеньор. Вчера мы напились до чертиков с подругой. Смиренно прошу о наказании.

Он поджал губы. Поиграл желваками на скулах.

— Думаю, что ты права. Хорошая порка приведет тебя в чувство.

Вздрагивая под ударами хлыста и считая вслух свои двенадцать, я видела опять лицо Владлена, слышала его крики. И разрыдалась. Горько, навзрыд. Всхлипывая и подвивая.

Исповедник отвязал меня от банкетки и обхватил лицо ладонями:

— Виктория? Тебе очень больно?

Я покачала головой, продолжая рыдать.

А потом произошло невероятное. Исповедник прижал мое лицо к своей груди, поглаживая по волосам и успокаивая.

— Тише, тише, — шептал он. — Моя Виктория, моя девочка. Тише. Я с тобой. Не плачь, пожалуйста. Тырываешь мне сердце.

Я подняла на него глаза и замерла от нежности, которая была в его взгляде. Он снова взял мое лицо в ладони и поцеловал в губы. Впервые за все время нашего знакомства. Долго, сладко. А потом поднял на руки, отнес на кровать и занялся со мной любовью. Именно любовью. Ванильным сексом. Не связывая меня. Страстно, нежно, отчаянно. Я умирала в его

руках, возрождаясь из пепла и снова сгорая. Это было невероятно. И как-то щемяще грустно. Он словно со мной прощался.

Я уснула у него на плече, совершенно обессиленная и счастливая.

А наутро он сообщил мне, что больше не сможет продолжать наши отношения. Объясняться со мной он посчитал излишним. Сказал, что я сама должна понять. И что он больше ничему не сможет меня научить.

Я молчала. Было ли мне больно? Пока я не чувствовала боли. Собрала вещи и молча пошла к выходу. Уже взялась за дверную ручку, когда он остановил меня, взял за плечи и тихо произнес, дыша в затылок:

— Ты всегда можешь на меня рассчитывать. Ты необыкновенная девушка. Удивительная. Ты должна знать себе цену. Если надумаешь остаться в Теме, пожалуйста, выбирай себе верхних тщательно. Если с первого взгляда не возникло желание подчиниться — это не твой вариант. «Ацкие аспода», любители ломать своих сабов, — не для тебя. А вообще, ты вполне можешь жить без Темы. Найди хорошего парня. Влюбись. Ты заслужила счастье, Виктория.

— Спасибо, монсеньор, — прошептала я, еле сдерживая слезы. — Я не забуду ваших уроков. Не забуду Вас.

Склонив голову к его руке на моем плече, я прижалась к ней губами. В глубине души надеялась, что он повернет меня к себе и снова поцелует, как вчера.

Но руки на плечах исчезли. Мне показалось, что он коснулся губами моих волос, вдохнув мой запах, будто хотел его запомнить. Я открыла дверь и вышла навстречу январскому морозному утру.

Так закончилась часть моей жизни под названием «Исповедник».

Глава 6. Мастер

Только после разрыва с Исповедником я поняла, что и Зимин, и Алиса были правы насчет того, что эта связь станет поворотной в моей судьбе. Он сделал меня другим человеком. Уверенным в себе, знающим себе цену. Конечно, он не решил всех моих психологических проблем: слишком глубоко пустили корни в моей душе страх, ненависть и самоуничижение. Но благодаря ему, я перестала винить себя во всем плохом, что со мной случалось.

Алиса оказалась очень хорошей подругой. Она умела выслушать, а редкие советы, что она мне давала, часто оказывались крайне ценными.

Мы вместе продолжали ходить в тренажерный зал. Хотя это и не было больше моей обязанностью, мне нравилось поддерживать себя в форме. Да и тусоваться там было приятно. Наш инструктор Артур, гей, тоже имел отношение к Теме, причем был свитчем, то есть нижним и верхним попеременно. Поэтому прекрасно мог понять нас, сабочек, «послушных сучек». Вроде меня. И Алисы.

Моя подруга уже три года была с парнем, которого сама ввела в Тему и сделала его своим Домом. Они не жили лайф-стайлом, то есть постоянно в своих ролях, но регулярно устраивали сессии. Алиса считала, что это самый лучший вариант — оттолкнуться в Теме от симпатии и влюбленности. Это сразу решало проблему доверия, которая всегда была слабым звеном сессионных отношений. А для меня доверие и вовсе было определяющим в выборе верхнего.

Я решилась на поиски новых отношений не сразу. Какое-то время после разрыва с Исповедником Зимин даже не заговаривал со мной. Но однажды все-таки вызвал к себе.

— Вик, детка, — начал он без обиняков, — Исповедник прислал мне твое резюме. С такими рекомендациями к тебе скоро выстроится очередь. Он считает тебя талантливой, подающей надежды, гибкой, имеющей способности к быстрому обучению, не боящейся расширения границ. Но также отмечает твою сильную волю, гордость и склонности к доминированию. Оказывается, ты свитч. А прикидывалась чистой сабочкой.

— Я не свитч, — глянула на него исподлобья и поджала губы. — И в ближайшее время искать никого не намерена.

— О" кей! — Зимин поднял руки вверх, соглашаясь. — Но если будут интересные предложения, я буду скидывать тебе на мыло.

— Ладно, — согласилась я.

Еще через неделю мне позвонили из компании «Эдельвейс». Предложили занять должность помощника руководителя. А потом мне на почту пришло письмо. Оно было подписано генеральным директором — Надеждой Бранд. Я усмехнулась. Без Исповедника не обошлось.

Я съездила собеседование, подумала и согласилась. И дело было не только в зарплате, которая превышала мою нынешнюю в разы. В этой строгой, властной женщине чувствовалось нечто родственное. То самое глубинное чувство доверия, руководствоваться которым мне, расставаясь, рекомендовал Исповедник. Тематического интереса я для Надежды не представляла, так как она предпочитала мужчин. Но изредка составляла ей компанию в походах на тематические вечеринки. А дважды участвовала в групповых сессиях

под ее началом в качестве ее ассистентки.

К счастью, Владлена я больше никогда не видела. Надежда зачем-то решила мне рассказать, что его сдал на перевоспитание собственный отец. Он иногда заказывал через Зимина себе рабыnek, и пожаловался ему на то, что его сынок сел на иглу. Господин Зимин порекомендовал ему госпожу Бранд. Папаша Владлена надеялся, что рабство вылечит его от наркозависимости. Но не случилось. Владлен пробыл в подвале Надежды несколько дней и едва не умер от ломки. Госпожа Бранд не хотела неприятностей и отказалась продолжать. Что с ним было дальше, ее не интересовало. Да и меня тоже.

Работа в компании «Эдельвейс» мне нравилась. В первый день Надежда оглядела меня с головы до ног, вздохнула, выдала корпоративную кредитку, озвучила довольно приличную сумму, которую я могла потратить и отправила по магазинам менять гардероб. Она очень подробно проинструктировала меня о том, каких брендов и какого стиля мне нужно купить одежду, в которой можно будет приходиться на работу. Потом сказала с ироничной улыбкой:

— Мне проще было бы самой купить тебе все необходимое. Мне, да и тебе, скорее всего, так привычнее.

Я опустила глаза, понимая, что она намекает на мой статус в Теме.

— Но я не хочу лишать тебя радости шопинга, — продолжила госпожа Бранд. — Иди, девочка, оторвись.

Эта фраза прозвучала так знакомо, что я вздрогнула. Но Надежда ободряюще, как-то по-матерински, мне улыбнулась. Теплое чувство доверия и благодарности заставило улыбнуться в ответ.

Правда, удовольствие оказалось довольно сомнительным. Манерные девицы в бутиках, названия которых я записала на бумажке, чтобы не забыть, окинув меня презрительным взглядом, делали вид, что я — пустое место. Я стиснула зубы и с деланным спокойствием просматривала стеллажи с одеждой. Через три часа мучений я, наконец, с кучей пакетов пришла домой.

Надежда была требовательным и строгим начальником. Но моих способностей хватило, чтобы довольно быстро научиться готовить кофе именно так, как она любила, опыт работы официанткой помогал подавать его непринужденно, не роняя подноса и не расплескивая напитки. Еще спустя месяц я перезнакомилась со всеми девочками из бухгалтерии и отдела маркетинга, с некоторыми почти подружилась. А однажды, в период эпидемии гриппа, даже помогала готовить годовую отчетность. Надежда была этим довольна, но отпускать от себя не захотела. Ей, видимо, нравилось то, что ее личный помощник тоже имеет отношение к Теме.

Мне не хотелось заводить никаких романов, хотя некоторые мужчины в компании, в том числе водитель Надежды, молчаливый и застенчивый Леша, явно проявляли ко мне интерес. Но, во-первых, я точно знала, что госпожа Бранд не одобрит этого, во-вторых, мне было страшно. Перспектива отношений без рамок и правил, без договоров и четких ограничений, меня пугала.

А однажды и вовсе случилось то, что надолго отвратило меня от мысли хотя бы попробовать завязать «ванильный» роман.

Была середина рабочей недели, то ли среда, то ли четверг. Госпожа Бранд с самого утра укатила на какие-то важные переговоры, дав мне указание встретить своего заместителя, Николая Бородина, который должен был к трем часам прийти к ней с докладом о командировке в Хорватию, где фирма «Эдельвейс» собиралась строить отельный комплекс.

Бородин появился в приемной ровно в три, однако госпожа Бранд еще не вернулась. Окинув меня масляным и слегка пренебрежительным взглядом, он потребовал проводить его в кабинет и приготовить кофе. Возражать я не посмела.

Когда я внесла в кабинет поднос с дымящейся чашкой, сахарницей и молочником, Бородин сидел, вальяжно развалившись в кресле у окна. Поставив перед ним на низкий столик кофе, я собиралась уже уйти, но он вдруг больно сжал мою руку, в которой я держала пустой поднос. Пальцы непроизвольно разжались, и поднос упал с глухим стуком на толстый ковер.

— Такая хорошенькая! — ухмыльнувшись, сказал Бородин. — Плохо быть секретуткой у бабы? Никто не приласкает, да?

— Отпустите, — тихо попросила я.

— Да не ломайся, — он грубо дернул меня за руку, усаживая на колени и пытаясь облапать грудь. — Я давно на тебя смотрю. Такая тихая, послушная девочка. Не бойся, будет приятно.

Мной вдруг овладела дикая, почти неконтролируемая ярость. Этот похотливый самец с пивным брюшком и пухлыми липкими пальцами, не имел на меня никаких прав. И я не обязана была ему подчиняться!

Взвизгнув, словно разъяренная кошка, я полоснула его ногтями по щеке и, вырвавшись, выбежала из кабинета.

Пробежав по коридору до туалета, влетела в него и закрыла дверь на задвижку.

В выдраенном до блеска зеркале видела свое отражение — горящие глаза, искаженное ненавистью и страхом лицо, белые трясущиеся губы... Все... теперь меня вышвырнут вон. Слезы поднимались откуда-то изнутри, горячие и жгучие, но пролиться им я не позволила. Эта мразь не заслуживала моих слез. И пусть... пусть... Не умру с голоду. Вернусь к Зимину.

В туалете я просидела, видимо, довольно долго, так как в дверь постучали. Несколько раз судорожно вдохнув и выдохнув, открыла дверь и увидела перед собой Надежду. Захотелось умереть на месте от нестерпимого стыда.

— Мне, — запнулась, голос дрогнул, — собирать вещи?

— Зачем? — удивилась госпожа Бранд.

— Я же уволена? — глаз я поднять на нее не могла. Было нестерпимо стыдно и гадко, словно меня облили с ног до головы помоями.

— А есть за что? — ответила вопросом на вопрос Надежда и я, наконец, осмелилась посмотреть ей в лицо. Выражение было непроницаемым, но в уголках глаз притаилась улыбка.

Я молча хлопала ресницами. Госпожа Бранд кивнула мне, приказывая следовать за ней.

В приемной сидел Бородин, прижимая к щеке платок. Его лощеное пухлое лицо пошло красными пятнами. Увидев меня, он прошипел:

— Ну все, сучка, вылетишь отсюда.

— Виктория, — спокойно сказала Надежда, — иди, позови мне начальника отдела маркетинга.

Потом жестом указала Бородину на свой кабинет.

Когда я вернулась в приемную, то столкнулась с ним в дверях. Злой, красный как рак, он вылетел, брызгая слюной и матерясь.

Не чувствуя под собой ног, прошла к своему рабочему месту и не успела присесть на стул, как услышала по селектору спокойный голос госпожи Бранд.

— Виктория, зайди.

Я снова судорожно вздохнула и отправилась в кабинет Надежды, будто на эшафот.

Она сидела не за столом, как обычно, а в том самом кресле у окна. Задумчиво дымила тонкой сигаретой, изящно держа ее между ухоженными пальцами с безупречным маникюром.

— Сядь, — приказ был мягким. Но это был приказ.

Я неловко присела на самый краешек глубокого кожаного кресла.

— Ты думала, я тебя уволю, за то, что ты расцарапала морду этому...?

Впервые я слышала от госпожи Бранд ругательство. Молча кивнула.

Надежда стряхнула пепел с сигареты в бронзовую пепельницу с затейливой чеканкой и посмотрела на меня. Она была серьезна, но глаза улыбались.

— Я уволила трех твоих предшественниц, после того, как они переспали с Бородиным и прибежали жаловаться, когда он их вышвырнул наутро как использованные презервативы.

Посмотрела мне в глаза. Усмехнулась, затушила сигарету в пепельнице. Потом накрыла своей ладонью мою. Рука была теплой и сильной. Отчаяние, страх и стыд испарились куда-то, и мне вдруг стало жутко и весело одновременно.

— А ты молодец, — сказала Надежда. — К сожалению, Бородин мне нужен. Он хороший аналитик, и чутье у него прекрасное. А так, давно бы выгнала взашей. Эти ванильные мужики... Никаких тормозов, правил, рамок. Беспредельщики. Виктория, теперь ты понимаешь, почему я так люблю пороть мужчин кнутом?

Она рассмеялась, тихим приятным грудным смехом. Я тоже нервно хихикнула.

С этого дня наши отношения с госпожой Бранд стали более теплыми.

Спустя полгода я встретила в клубе Исповедника. С ним была новая сабочка. Хрупкая брюнетка с большими темными глазами, скромно потупившая взор. На ее изящной шейке поблескивал серебряный ошейник. Исповедник мягко мне улыбнулся и протянул свою прохладную твердую ладонь. Я уважительно ее пожала, а потом поднесла к губам. Когда я подняла глаза, мне показалось, что в его карем глазу блеснула слезинка. Но мне только показалось. Нижнюю свою он мне не представил, видимо посчитав это излишним. А я поймала себя на мысли, что завидую ей.

Этим же вечером я решила-таки разобрать свой заваленный письмами электронный ящик.

Позвала Алису, чтобы обсудить с ней возможные кандидатуры. Мы заказали еду из «Суши-хауса», сделали «Мохито» и веселились от души, читая письма от чайников, возомнивших себя мастерами. Некоторые прямо начинались с фразы: «Сука, встань на колени, пока читаешь это письмо». Был даже любитель исконно русских развлечений с розгами, вымоченными в рассоле, и сессий, проводимых в русской бане.

Из почти полсотни подобных манифестов мужественности и доминирования по-настоящему нас заинтересовали только три.

Одно письмо было подписано ником Вольф. Сухо и кратко он сообщал, что он зрелый, уверенный в себе мужчина, любящий жесткое доминирование, гетеросексуален, моногамен, не приемлет публичного унижения и не склонен к садизму. В своей нижней ценит уважительность к господину и самой себе, а также беспрекословное послушание. Склонен к неизменным ритуалам. Прилагавшийся список жестких ограничений почти в точности повторял мой.

Второе было от некоего Падшего Ангела. Содержало призыв к нежной, не лишенной

романтики девушке довериться сильным рукам, которые подарят ей океан наслаждений в обмен на послушание и служение своему господину.

Третье написал Алексей. Он признавался, что в Теме недавно и ищет девушку, которая сможет помочь ему состояться как Доминанту. Список ограничений был очень обширен, противоречив и выдавал новичка. Несмотря на то, что с неопытными топами я предпочитала дела не иметь, что-то заинтересовало меня в этом письме. Оно было переслано Зиминим, а значит, ему стоило уделить внимание.

Я отправила три одинаковых письма с предложением встретиться и списком моих жестких ограничений.

После личных встреч со всеми тремя Падший Ангел оказался фетишистом, фанатиком шибари — изощренной японской разновидности банджа, связывания веревками и подвешивания, которая всегда вызывала во мне неосознанный страх.

Вольф представился Игорем. Ему было около тридцати. Светло-русые волосы, серо-голубые глаза. Высокий, широкоплечий, подтянутый. От него веяло спокойствием и силой. Но он не был нарочито строг и не проявлял подчеркнутой властности, не старался меня подавить или напугать. Проявлял сдержанный интерес и уважение. Спрашивал, что я люблю есть, какое вино предпочитаю, какие люблю цветы. Как провожу свободное время, какую слушаю музыку. Мы говорили о литературе и кино. Я провела с ним прекрасный вечер и чувствовала, что пресловутая «химия» между нами возникла точно. Прощаясь, он задержал мою руку и сказал, тихо и проникновенно, что хотел бы видеть меня своей.

Алексей не произвел на меня такого впечатления, как Вольф. Ему было лет двадцать пять. Немного застенчивый и неловкий. Никогда не сказала бы, что этот человек имеет склонности топа. Скорее, он походил на абсолютно ванильного парня, пришедшего на первое свидание. Он подарил мне трогательный букетик из ромашек и васильков с колосками и томно смотрел на меня темными, будто маслины, глазами. Сказал, что по матери в нем течет греческая кровь. Он был милым и понравился мне. Но я никак не могла понять, что влечет его к Теме. Наконец, я не выдержала и спросила. Он смутился. Помолчал. А потом сказал, что всегда был слишком застенчив с женщинами. И чувствует себя уверенно, только когда знает, что девушка добровольно передала власть над собой ему. Это меня разочаровало.

Таким образом, выбор был сделан в пользу Игоря — Вольфа.

Местом встречи он назначил приват-комнату в одном из клубов, который принадлежал московскому сообществу. Мне это не понравилось, так как обстановка таких «номеров» напоминала бордель, но возражать я не стала.

Игорь ждал меня в холле. Взял у портье ключ и, сжав мою руку в своей, повел по полутемному коридору. Перед дверью вложил мне в руку ключ, давая понять, что открыть ее я должна сама.

В комнате была кровать с металлическими поручнями в изголовье и в изножье, с припаянными к ним кольцами, комод с игрушками, стеллаж с девайсами для порки. У стены деревянный крест с ремнями для креплений. К потолку крепилась балка с блоком и веревкой для подвешивания. Я бросила на веревку косой взгляд. Связывание с подвешиванием не было для меня даже легким ограничением. Я его просто не любила. Но Игорь мой взгляд поймал. Правда, по его лицу я не смогла понять, какие выводы он для себя сделал.

Вольф приказал мне снять одежду, забрал ее у меня вместе с туфлями и сумкой. Закрыв в шкаф. Обошел кругом, не прикасаясь, просто разглядывая меня. Осведомился, какой

способ контрацепции я использую, понадобятся ли ему презервативы. Я ответила, что нет, так как я использую таблетки. Он удовлетворенно улыбнулся и признался, что терпеть не может резинки, так как они сбивают весь настрой.

Вольф решил начать сессию с легкой порки хлыстом, как он сказал, не для наказания, а для удовольствия, чтобы понять мой болевой порог. Зафиксировал меня на кресте. Провел ладонью по моей щеке, будто пробовал меня на ощупь. И, глядя мне в глаза, сказал, что я очень красива и потрясающе желанна.

Хлыстом он владел прекрасно. Удары были ровно настолько сильными, чтобы я балансировала на тонкой грани боли и удовольствия, как канатоходец, и сорвалась в пропасть оргазма довольно скоро. А поскольку мы договорились, что на первой, пробной, сессии контролировать мое освобождение он не будет, я могла позволить себе это столько, сколько смогу.

У него были сильные и умелые руки. Красивое подтянутое тело, спортивное и мускулистое. Мне нравилось, как он сдержанно рычал, когда я ласкала его ртом. Была приятно удивлена, когда он снова стал твердым довольно быстро и отдал мне должок, умело приведя нас почти синхронно к прекрасному, яркому оргазму. На этом он решил закончить, сказал, что я ему очень нравлюсь, и если захочу продолжать, то должна прийти в этот же клуб в восемь вечера через неделю, в субботу. Отдал мне оба ключа — от шкафа и игровой, карточку с адресом своей электронной почты. На комодке он оставил для меня кожаный ошейник с такими же наручами и поножами и комплект зажимов для сосков, очень изящных, украшенных сверкающими камешками. Сказал, что мы не будем пользоваться ими, пока я сама не захочу. Но ему было бы приятно увидеть на мне эти вещицы.

Вернулась домой, первым делом позвонила Алисе, рассказала о своих впечатлениях, изменила свой статус на всех сайтах, где тусовалась, на «занята», отправила сообщение Зимину. А еще нашла в почтовом ящике письмо от Алексея, в котором он сообщал, что сильно огорчен моим отказом, будет ждать столько, сколько потребуется мне, чтобы передумать. Я усмехнулась той наивной самоуверенности, с которой это было написано.

Алиса, которой я показала подаренные зажимы, восхитилась их изяществом и сказала, что мне стоит попробовать. Сама она была поклонницей таких игрушек, а полгода назад сделала пирсинг на сосках и клиторе. Говорила, что ощущения, когда ко всем трем колечками пристегнута цепочка, просто непередаваемые.

С Вольфом я встречалась около полугода. Он не был столь хорош, как Исповедник. Не изумлял меня, не приводил в благоговейный трепет. Когда, следуя его любимому ритуалу, голой стояла перед ним на коленях и целовала его руку, сжимающую хлыст, я лишь исполняла его правила. Но он давал мне то, что мне было нужно — контроль и удовольствия, приправленные болью ровно настолько, чтобы оставаться удовольствиями. За шесть месяцев у него не возникло ни одного повода меня по-настоящему наказать. Либо не было такого желания. Меня это устраивало. Его тоже. Мы расстались, когда он потребовал от меня провести сессию втроем с его другом, зная, что передача меня другим топам — мой хард-лимит. Возможно, так он дал мне понять, что наши отношения исчерпали себя.

Вскоре я снова почувствовала пустоту и одиночество. Алиса уехала со своим уже молодым мужем в свадебное путешествие на Бали, оставив меня одну в плавящейся от июльской жары Москве. Надежда улетела в Испанию на свою виллу. Она звала с собой, но у меня не была открыта шенгенка, а ждать госпожа Бранд не пожелала. Я была зла на саму себя, и мне срочно был нужен тот, кто выбьет из меня эту злость.

Снова полезла в свой почтовый ящик и нашла там сорок писем от Алексея. И сдалась.

Алексей оказался сомневающимся свитчем и постоянно метался от желания подчинять к потребности подчиняться. Сначала мне было трудно подстроиться к резкой смене его настроения, но потом мы договорились, что приняв в начале сессии роль топа или боттома, мы не будем изменять их до конца. Так было гораздо удобнее. Но с каждым разом Алекс все больше входил в роль подчиненного, а, испытав пару раз сабспейс, стал называть меня Прекрасной Принцессой и отказался полностью от доминирования. Я начала видеть в его глазах безумную рабскую покорность, вспоминала Владлена и испытывала чувство гадливости. Мы расстались в середине октября. Госпожа Бранд с радостью приняла его в свои крепкие объятия. И иногда приглашала меня в качестве подарка своему новому приобретению, когда была особенно им довольна.

Несколько месяцев я провела в свободном дрейфе, тусуясь на вечеринках, просиживая вечерами на любимых форумах, споря до иступления и матерясь, ругая админов, которые грозились меня забанить, пикируясь с завсегдатаями, философствуя и вздыхая с другими сабочками о своем, единственном и неповторимом Мастере. Было несколько не слишком удачных связей, оставивших лишь разочарование и неудовлетворенность.

И опять щемящая пустота начинала завладевать мной, требуя сильной мужской руки.

Пока однажды он не нашел меня сам. Мой Мастер.

Мы познакомились на тематической вечеринке в одном из моих любимых клубов, в котором я регулярно оставляла свою анкету, когда была свободна. Хотя в обычном смысле назвать нашу встречу знакомством было сложно. Тогда я уже две недели как рассталась со своим последним доминантом. Его звали Максим. Мы провели четыре сессии, и каждую заканчивала я. Произнеся стоп-слово. Я поняла — правда слишком поздно, что Максим — банальный садист, которых я всегда опасалась. После того, как он нарушил одно из моих жестких ограничений — игры с затруднением дыхания, все было кончено. Увлечшись, Макс едва не задушил меня телефонным проводом. Чудом вытолкнув кляп и просипев стоп-слово, я уже почти потеряла сознание и думала, что он не остановится. Но, похоже, Макс испугался сам. Хотя Зимину, по наводке которого я познакомилась с Максом, я все равно донесла.

В тот вечер я не собиралась искать нового Дома. Я вообще не верила в случайные знакомства в клубах. Просто цедила свой «Мохито» и поглядывала на сцену, где в полутьме, в острых красноватых лучах софитов парень в черной маске и кожаных штанах на шнуровке, предварительно связав и подвесив на страшноватого вида крюк, увлеченно стегал «кошкой» по пухлым ягодицам с признаками целлюлита блондинку в ярко-красном латексе. Блондинка повизгивала, но как-то ненатурально. Мне вскоре наскучил этот фарс, и я собралась уходить. Улыбнувшись бармену и расплатившись за свой коктейль, я лениво встала с высокого барного стула и направилась было к выходу, когда почувствовала, как твердые сильные пальцы сжали мое предплечье.

— Не оборачивайся, — властно произнес тихий низкий голос мне на ухо. — Мне сказали, что ты свободна и ищешь доминанта. Я читал твою анкету. Ты мнеходишь. Хочу провести с тобой пробную сессию.

Я стояла словно пригвожденная к месту, не в силах ни пошевелиться, ни разомкнуть губ, чтобы ответить. Этот низкий, властный голос будто гипнотизировал меня. Но незнакомец и не ждал моего ответа.

— Я вышлю тебе на имейл свой договор и список ограничений. Прочти и отправь свой. Потом я сообщу время и место.

Пальцы так же внезапно разжались, и незнакомец, прикусив мочку моего уха, прошептал совсем тихо:

— У тебя замечательные духи. Ты мне нравишься, девочка.

Я любила «Флору» Гуччи. Многим моим домам не нравился этот землянично-цветочный аромат, они предпочитали нечто более тяжелое, вязкое, вульгарное.

Через три дня я приехала в его дом. Не слишком большой. Но достойный. Два этажа и один цокольный. Не дворец, но и не типовой дешевый таунхаус. Я подъехала к воротам, и они открылись. Он ждал меня. Загнала машину в гараж, следуя его указаниям. И несколько минут сидела, прижав руку к груди. Слушая, как бухает сердце и начинает падать куда-то в сосущую пустоту. Я ничего о нем не знала. Я никому не сказала, куда еду. Если со мной что-то случится — никто не будет знать, где меня искать. Мне стало страшно. Но я вспомнила его низкий хриловатый голос. И решительно открыла дверь. Сняла куртку, оставила в машине свою сумочку вместе с документами и мобильным. Прошла по коридору, почти темному. Остановилась в нерешительности. Потом увидела открытую дверь в конце. Так я оказалась впервые в его комнате для игр. В ней не было почти никакого особого антуража. Низкое окошко, забранное решеткой. Пол, выложенный каменными плитами. С потолка спускаются цепи. Из приспособлений — только деревянный крест с ремнями для фиксации и обитая искусственной кожей скамья для порки. Мне снова стало страшно. Ведь из этого подвала я могла и не выйти. Но трусливо сбежать было стыдно. Нервно сглотнула и, прижав руку к груди, чтобы не выскочило сердце, вошла внутрь.

Я сделала все так, как было указано в его инструкциях. Сняла одежду, сложила ее на стуле. Встала на колени на специально приготовленную кожаную подушечку, спиной к закрытой двери, завела руки за спину. Опустила голову. И стала ждать.

Горло пересохло, сердце выпрыгивало из груди. Как правило, прежде чем провести сессию, я знакомялась со своими Доминантами лично. И впервые нарушила свои же правила. Правда, я навела справки о моем загадочном Господине через клуб и сайты с хорошей репутацией, где я была завсегдатаем. Его знали многие. Но информацией о нем почти не располагали. У него было немного нижних. И все, будто сговорившись, отзывались о нем с благоговейным трепетом.

Когда мне на плечо опустилась сухая, жестковатая ладонь, я вздрогнула, словно от удара.

— Не бойся, девочка, — тихий хриловатый голос, показавшийся смутно знакомым, от которого по телу пробежали мурашки. — Я свято соблюдаю правила. И жду от тебя того же. Я ценю и уважаю твое доверие и то, что ты добровольно отдаешь мне себя. Обещаю не употреблять эту власть тебе во зло. Хочешь сама выбрать стоп-слово?

Я покачала головой, не решаясь говорить. Отчего-то одно его присутствие у меня за спиной повергало меня в трепет.

— Хорошо. Тогда будем использовать стандартные. Светофор. Зеленый, желтый и красный. Кивни, если согласна.

Я послушно кивнула. И внезапно мне ужасно захотелось увидеть обладателя этого волнующего голоса. Я осторожно повернула голову и скосила глаза. Но задохнулась от боли. Он грубо схватил мои волосы в кулак и сжал второй рукой мой подбородок, фиксируя лицо.

— Нет, — строго приказал он. — Моего лица ты не увидишь.

Мне на глаза легла плотная шелковая повязка.

Потом он надел на меня кожаные наручи и ошейник и начал сессию. Он был так

спокоен. Уверен в своей непогрешимости. Иногда жесток и груб, всегда властен и требователен. Он не входил в раж, не заигрывался, как тот же Максим. Он причинял мне боль, но никогда не переходил границы. Мастерски мешал ее с удовольствием. Сплетал ажурной вязью сценарии, доводя меня до иступления. Я чувствовала, что ему нравится моя реакция, нравятся мои слезы и мое молчание. Нравятся следы, что оставляет на моей коже его хлыст. И очень нравятся мои стоны и крики, когда он доводил меня до грани. Я потеряла счет оргазмам. Даже не догадывалась, что могу испытать их в таком количестве и такой силы. Я кончала, и кончала, и кончала. Он брал меня бесчисленное количество раз — спереди и сзади, я обслуживала его ртом, его губы и язык дразнили, зубы прикусывали соски, оставляли метки на груди и бедрах. Пальцы гладили, жестко сжимали, врывались внутрь. Ладони больно, до слез, шлепали и тут же ласкали горящую кожу. Это было невероятно, непередаваемо. Когда он закончил, я уснула обессиленная на полу. А проснулась в другой комнате, в кровати, укрытая бережно одеялом. Рядом лежала моя одежда. Поверх — кожаный ошейник, на металлическом кольце которого была выгравирована буква "М" из пересекающихся сабель. «Как у профессора Мориарти», — подумала я. И распечатанный договор. Пробежав его глазами, я, не вдумываясь, поставила свою подпись. Потом собралась и уехала. Чтобы всю неделю ждать, когда вернусь снова.

Я так и не узнала его имени. Даже не пыталась, хотя могла попробовать пробить его по адресу дома, куда приезжала. Бывший сослуживец отца, дослужившийся до московских чинов, был завсегдатаем моего любимого клуба и его негласным покровителем. Он не знал, что я в Теме, но помог бы без лишних вопросов. Но я не хотела знать ничего более того, что мне позволили знать.

Я называла его Мастером. И никогда не видела его лица. Он всегда проводил сессии, закрыв мне глаза повязкой. А когда снимал ее, я, как правило, ничего не могла уже видеть или понимать. Он делал со мной такие вещи, которые не могли присниться ни в одном странном сне. Но при этом мог доставить такое наслаждение, что мое тело становилось словно желе. Я чувствовала себя в его руках восковой куклой. Именно с ним я узнала, что такое настоящий глубокий сабспейс. И, по сути, стала наркоманкой. Никто, кроме него, не мог заставить меня испытать такое. Он всегда доходил до самого предела. Четко знал мои границы и постоянно их расширял. Но я ни разу не использовала стоп-слова. Слишком он хорошо чувствовал меня, всегда останавливаясь за миллиметр до того, как мое терпение кончалось.

Его сценарии были изощренными и никогда не повторялись. С ним я даже полюбила бандаж с подвешиванием, хотя он никогда не увлекался им настолько, чтобы я заскучала. Каждый виток веревки только усиливал мое возбуждение. А потом я парила в паутине, чувствуя себя в невесомости. Боль никогда не была для него самоцелью, скорее, инструментом. Я чувствовала его власть надо мной каждой клеткой трепещущего, содрогающегося тела.

Впервые после Исповедника я действительно боготворила Мастера, доверяла ему себя безоглядно и радостно.

Но он был неумолим и последователен, когда дело касалось наказаний. Они были очень редкими — Исповедник хорошо меня выдрессировал. Мастер не раз повторял, что я идеальная нижняя и ему еще ни с кем не было так хорошо. Эти слова рождали в моей душе почти религиозный трепет. В такие минуты он мог отправить меня на костер, и я умерла бы в огне, благословляя его имя.

Одну свою порку я запомнила надолго. Поводом к нему послужило излишнее рвение в служении Мастеру. И надоумила меня Алиса. Как-то она пришла ко мне в гости и похвасталась татуировкой с вензелем своего мужа на ягодице. Я загорелась этой мыслью и на следующий день отправилась в тату-салон.

Меня трясло от предвкушения реакции Мастера на появившуюся на моей левой ягодице букву "М". Но реакция была совсем не такой, на которую я рассчитывала.

Он поднял меня с колен за подбородок. Глаза, как всегда, были закрыты повязкой, и я могла только догадываться о том, что выражало его лицо. Его палец легко очертил контуры татуировки, и я поморщилась от боли на еще не зажившей коже.

— Девочка, — его голос обжег меня холодом. Я задрожала, уже понимая, что совершила серьезную ошибку. — Кому принадлежит твое тело? Отвечай!

— Вам, Мастер, — прошептала, леденя от ужаса.

— Скажи, я просил тебя делать это? — он снова провел пальцем по татуировке, нажимая сильнее, желая причинить мне боль.

— Нет, Мастер, — всхлипнула я.

— Если бы я хотел заклеить тебя, девочка, — его тихий голос страшнее труб Судного дня, — я сделал бы это каленым железом. Ты хочешь этого?

Он сказал это совершенно спокойно, но я знала точно — он не шутит. Ответить «нет» значило только усугубить свое и так тяжелое положение. И я нашла единственно верный ответ:

— Как пожелает мой Мастер, — прошептала я, отчаянно надеясь, что он не пожелает.

— Хороший ответ, — голос слегка смягчился. — Пока не желаю. Но завтра же ты сведешь эту татуировку! А сейчас получишь пятнадцать ударов плетью.

— Спасибо, Мастер, — ответила я, глотая слезы. Свою любимую плеть-змейку с металлическим наконечником он применял на мне только однажды, в самом начале. И лишь для того, чтобы проверить мой болевой порог. Он был предпоследним по степени воздействия девайсом. Последним был только тяжелый африканский кнут, который Мастер признал для меня неприемлемым.

Мастер любил бить меня пристегнутой за руки к цепям в потолке. Причем если я крутилась и пыталась уклониться, он начинал отсчет сначала. Поэтому я отчаянно пыталась удержаться на месте, едва дотягиваясь до пола пальцами ног.

Мой истошный крик-хрип «пятнадцать» был последним, что я помнила. Потом отключилась.

Очнулась в кровати в комнате, определенной для меня Мастером. Незнакомая мне женщина лет пятидесяти, тихая и ласковая, нежно, едва касаясь теплой ладонью, мазала чем-то мое истерзанное тело. По ощущениям с меня спустили кожу.

— Ничего, девочка, ничего. Только синяки. Кожа не повреждена, — она ворковала надо мной, как над младенцем.

Я лежала на животе совершенно беспомощная. Голова кружилась. Нестерпимо хотелось пить. Я облизала сухие губы.

— Ох, сейчас.

Она помогла мне повернуть набок голову и поднесла к губам трубочку, вставленную в стакан. Я с наслаждением втянула в себя содержимое. Апельсиновый фреш. Как вкусно.

— Ну все, поспи, детка. В два я принесу обед. Отдыхай.

Я пролежала почти сутки. Когда покинула дом Мастера, первым же делом поехала в

салон и свела татуировку. Это оказалось больнее, чем ее накалывать. Но это была ласка по сравнению с моим наказанием. А мастер в тату-салоне был в шоке от сине-черных рубцов на заднице.

Перенесенная мною боль всегда была адекватна удовольствию. И в следующие наши выходные я испытала невероятный по глубине и силе сабспейс.

Мастер всегда был справедлив. Только мыслил иногда иными, не доступными мне, простой смертной, категориями. Да я и не пыталась понять его логику. Вопросы «за что?», «отчего?» и «зачем?» даже не рождались в моей голове. Я без колебаний и сомнений принимала все, что он мне даровал.

Я была его нижней почти два года. Он никогда не хотел никого, кроме меня. И я не искала никого, пока он был моим Господином. Наверное, каждый саб на свете предназначен своему Мастеру. А каждый истинный Мастер ищет своего единственного саба. И я была уверена, что мы с Мастером именно такая пара. Но, к сожалению, сказки не выживают в реальной жизни.

Мы расстались после того, как он предложил мне лайф-стайл. Быть его собственностью двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Я думала до следующих выходных. И отказалась. Я не была готова полностью отречься от своей личности, без остатка раствориться в своем Мастере. В ответ он написал мне сухое и короткое письмо на электронную почту, в котором сообщал, что расторгает со мной договор. Я так и не осмелилась спросить его, почему, после моего отказа практиковать лайф-стайл, он не захотел продолжать наши отношения на прежних условиях. Больше я ни разу о нем не слышала.

После разрыва с Мастером я больше ни с кем не практиковала Тему.

Принять наказание, боль от других, не его, рук казалось мне кощунством. Я, словно одержимая, продолжала хранить ему верность. Ванильные отношения меня не прельщали уже давно. А в Теме я хотела быть только с ним.

Ломка была страшной. Как у настоящего наркомана. Я снова перестала есть и говорить, сидела одна в пустой темной квартире. Алиса, к тому времени уже носившая своего первенца, пыталась говорить со мной, вытаскивать меня из дома, даже предлагала устроить совместную дружескую сессию с ее мужем. Я продолжала тупо молчать.

Я ходила на работу, машинально выполняя свои обязанности, как бездушная кукла. Надежда, конечно же, заметила мое состояние и попыталась поговорить. Но даже ее авторитет не смог пробить ледяной панцирь, в который я спряталась от всего мира.

Один раз звонил Зимин. Я не захотела говорить с ним, просто бросив трубку. Потом написала ему письмо с просьбой удалить информацию обо мне в его картотеке.

Я никогда не задумывалась о самоубийстве. Не то чтобы я была религиозной и считала его смертным грехом или боялась попасть в ад. Напротив, была глубоко уверена в том, что никакой высшей силе не по зубам придумать что-то хуже обычной человеческой жизни. Просто я считала смерть слишком легким выходом.

Не думала я о смерти и в тот вечер, когда не могла уснуть, вцепившись зубами в подушку и тихо подвывая от боли, которая разрывала мою грудь. Я опять ненавидела себя. Лютой ненавистью. За свою трусость, за свое малодушие. За то, что отказалась принадлежать своему Мастеру. И теперь кто-то другой служит ему, моему божеству. За что я цеплялась? Что такого ценного я боялась потерять? Я была никем и ничем. Пустой пивной бутылкой, выброшенной на свалку. И теперь, то божественное сияние, что могло наполнить

меня, превращая в нечто прекрасное, навсегда погасло.

Когда боль и отвращение стали невыносимыми, я поняла, что сойду с ума, если просто не усну. И приняла снотворное. Потом еще. И еще.

Уснула. Но утром проснуться не смогла.

Очнулась я в больнице. Потом мне рассказали, что Надежда забеспокоилась, когда я не вышла на работу. На звонки я не отвечала. Она послала своего шофера. И когда я не открыла дверь, он вызвал спасателей.

Глава 7. Антон

В больнице я провалялась почти три недели. Причем две из них меня наблюдал психиатр. Тщетно я пыталась объяснить, что не собиралась покончить с собой. Меня все-таки записали в суицидники.

Меня навещали Алиса со своим Лево́й, уже порядком поправившаяся и жутко счастливая, и Надежда, строгая и подтянутая — за спиной угрюмый секьюрити. Не пришел только Зимин. Алиса говорила, что он уехал куда-то в Европу, не появлялся на работе почти месяц. Хотя его я особо не ждала. Кто я такая ему, чтобы меня навещать?

Врачи, убедившись, наконец, в том, что я больше не буду пытаться наглотаться таблеток, сообщили, что выпишут меня. Правда, под наблюдение психиатра. А Надежда обещала отправить на море, куда-нибудь на Кипр или в Испанию, чтобы я развеялась и подумала о своей жизни.

В тот день я сидела на лавочке в больничном парке и, прикрыв глаза, грелась в еще робких лучах майского солнышка.

Почувствовав на плече тяжелую мужскую ладонь, я подумала, что это мой лечащий врач, Иван Степаныч, и уже открыла рот, чтобы начать оправдываться за свой несанкционированный побег из палаты, но лицо склонившегося надо мной мужчины было мне не знакомо.

Бывают на свете такие редкие люди, которые словно светятся изнутри. Каким-то особенным, ни на что не похожим светом. Будто внутри у них собственная электростанция.

Я даже зажмурилась. Незнакомец стоял против света и его ярко-рыжие смешно торчащие вихры горели, подсвеченные лучами солнца. Лицо в задорных веснушках, с резковатыми чертами, волевое, но улыбка — искренняя, открытая. Пронзительно-синие глаза под светлыми, рыжеватыми ресницами.

— Привет, — просто сказал он и смутился.

— Привет, — ответила я и тоже покраснела.

— А я Антон, — он протянул мне свою широкую ладонь. Тыльная сторона была покрыта короткими рыжеватыми волосками, и солнце золотило их. Это было красиво.

— Виктория, — я вложила свою руку в эту лапищу и почувствовала себя фарфоровой куклой. Если он сожмет мои пальцы чуть сильнее — они стекут, как песок.

— Как ты себя чувствуешь? — он опять смутился. Как мальчишка. Хотя ему навскидку за двадцать пять.

— Нормально, — ответила я, — скоро выпишут.

— Это хорошо, — он улыбнулся как-то виновато. — Нам запрещено вообще-то навещать... эм... — он замялся, будто подбирая слово, — клиентов.

Клиентов?! Я ничего не понимала.

— Спасатель я, — пояснил Антон. — Сломал твою дверь. Но обещаю починить.

Ох... спасатель. Точнее, спаситель. Иван Степаныч говорил, что, если бы меня привезли на полчаса позже, мой мозг пострадал бы сильнее, и я стала овощем.

— Спасибо, — ответила я, просто не найдясь, что еще сказать. — Не нужно. Сама виновата. Не рассчитала с таблетками.

— Так ты?.. — он осекся, но я поняла, что он хотел спросить.

— Нет, — бросила я сухо. — Я не самоубийца. Просто не рассчитала.

— Это хорошо! — его широкое лицо расплылось в улыбке, и мне показалось, что солнце стало светить ярче. Даже прищурилась. Он будто бы ослеплял меня.

— Когда тебя выписывают? — спросил он и снова смутился. — Ничего, что на «ты»?

— Ничего, — вздохнула я, — терпеть не могу «выканья».

— Я тоже. Так когда?

— Обещали завтра.

Помолчали. Но с ним мне было очень комфортно молчать. Не было этого жуткого чувства неловкости, когда пытаешься придумать предлог, чтобы уйти.

— Ну ладно, — он встал с моей скамейки, — выздоравливай. Пойду.

Мне не хотелось, чтобы он уходил.

— Спасибо, — опять сказала я и усмехнулась собственному косноязычию.

Он уже повернулся, но потом хлопнул себя по лбу.

— Дурак. Это тебе, — неловко плюхнул мне на коленки пакет с апельсинами.

— Ну зачем? — теперь смутилась я.

— Витамины, — он опять улыбнулся. Какая же у него улыбка необыкновенная. — А можно я тебе позвоню? Есть телефон?

— Есть, — ответила я, тоже улыбаясь. — Записывай.

Он позвонил. И еще раз. И еще. О чем мы только не говорили. Он шутил, рассказывал какие-то глупые анекдоты, случаи из своей практики. О кошках на дереве и в вентиляционных трубах, о мальчиках с хрустальными вазами на голове, возомнивших себя принцами. Я смеялась. Мне было так хорошо. Никогда не было так хорошо.

Антон забрал меня из больницы. Смущаясь, отдал ключи от нового замка. Дверь мою он уже успел починить. На предложенный кофе не остался, но позвонить пообещал.

Вечером мы сидели с Алисой и еелевой на кухне, пили чай с эклерами, и она рассказывала мне обо всем, что произошло, пока я лежала в больнице.

В «Спейсере» произошла смена руководства. Новый шеф был далек от Темы, и тематические вечеринки там больше не проводили. Зимин так и не вернулся из Европы — поговаривали, что насовсем переехал куда-то в Швейцарские Альпы. Я вздохнула, вспомнив, как каталась на горных лыжах с Исповедником. Это было здорово. Алиса сказала, что они слевой тоже завязали с Темой. Беременность — не лучшее время для сессий. А потом — ребенок, пеленки, распашонки. Я слушала и думала, что это символично. Я тоже не собиралась больше возвращаться. Нужно было начинать новую жизнь.

Еще через неделю я вышла на работу. Надежда снова улетела в Штаты заключать очередной контракт, и я откровенно бездельничала, болтая с девчонками из маркетингового отдела и бухгалтерии. Мое блаженное ничегонеделание продолжалось еще неделю.

Антон продолжал звонить каждый день, несколько раз приглашал меня в кино, в «Шоколадницу», где заказывал для меня мой любимый тирамису, провожал меня домой. Нежно и осторожно целовал у подъезда. И даже не попробовал напроситься на чай.

С ним было очень легко. Весело, беззаботно, надежно. То, что всегда меня пугало в ванильных отношениях — отсутствие рамок и правил, то, что Надежда называла «беспределом», с Антоном совершенно меня не беспокоило. Впервые мужчина заботился обо мне. Не как верх о нижней. Не потому, что я его вещь, которую нужно беречь, ухаживать за ней, чтобы она не испортилась. А просто потому... Я не знала почему. Но эта забота согревала меня, как солнечный свет, я чувствовала ее физически, словно теплый мягкий

кокон вокруг. Это было странно и непривычно. Но очень приятно.

Конфетно-букетный период, как насмешливо говорила Алиса, которой я восторженно рассказывала про своего солнечного ухажера, продлился почти три недели. Я чувствовала, что нравлюсь Антону все больше, и ему все труднее становится сдерживать свои желания. Но я боялась. Не его, конечно. Себя. Боялась, что не смогу дать ему то, чего он ждет.

Но однажды в пятницу, Антон позвонил мне на работу и предложил встретиться. Погода, промозглая и дождливая, совершенно не располагала к прогулкам. И вдруг, я совершенно неожиданно пригласила его к себе. Мне показалось, что он опешил. Но очень быстро согласился.

Я нервничала, как девчонка. Отпросилась пораньше. Забежала в магазин, накупила всяких вкусностей. Поняла, что понятия не имею, что он любит. Постояла в ступоре перед стойкой с алкоголем. Выбрала красное сухое вино. Потом купила еще бутылку армянского коньяка.

Прилетев домой, бросила пакеты и начала панически метаться по квартире, рассовывая разбросанные вещи по местам. Приготовила «Цезарь», порезала фрукты, поставила на стол самые красивые тарелки и бокалы. С ужасом поняла, что забыла про салфетки. Долго копалась в шкафу, выискивая льняные. Хотела поставить свечи. Они напомнили мне подвал Надежды. Убрала с омерзением.

Села, положив руки на скатерть, пытаясь успокоить взвинченные нервы. Это было мое первое ванильное свидание. Причем я его пригласила сама. Покраснела от стыда. Захотелось ударить себя по щекам. Еле сдержалась.

Звонок в дверь заставил меня подскочить как ужаленную. Поняла, что не одета. Открыла дверь и, крикнув: «Проходи, я сейчас!», — метнулась в ванную, успев на бегу схватить зеленое платье. То самое, что мне купил Исповедник. Глядя на себя в зеркало, поняла, что совершила ошибку. Я выглядела в нем... шлюхой. Сняла. Снова надела футболку со Снупи и домашние шорты. Распустила волосы, судорожно провела по ним расческой.

Вышла из ванной, готовая убить себя за неловкость и глупость.

Антон стоял, переминаясь с ноги на ногу. Ярко-желтые герберы в его руках — словно неизвестно откуда взявшиеся в полутьме коридора солнечные зайчики. Господи, он сам весь большой солнечный зайчик. Едва не прыснула от этой глупой мысли. Он поймал мой взгляд и смутился. Вот дура! Он подумал, что я смеюсь над ним.

— Привет, — сказала я, осторожно сжав в руке тонкие стебли. — Спасибо. Такие красивые.

— Пожалуйста, — произнес он тихо. — Надеюсь, ты не разделяешь глупых предрассудков насчет желтых цветов. Они очень тебе подходят.

— Не разделяю, — улыбнулась я. — Голодный?

— Очень.

Я, все еще смущаясь, взяла его за руку и опять почувствовала этот мощный поток спокойной мужской силы. Поймала себя на мысли, что он смог бы быть моим Домом. Сжала зубы и выругалась про себя.

Усадила его на диван, перед столиком, упорхнула в ванную набирать воду в вазу. Посмотрела на себя в зеркало — чисто ведьма. Глаза горят, щеки пылают. Пригладила волосы, намочила ладони, провела по лицу.

Ели молча. Антон подливал мне вина, но я почти не прикасалась к бокалу. Не хватало еще выпиться. Хотя я и так чувствовала себя пьяной. Я пьянела от его силы, от его мужского

запаха, от его улыбки и мягкого света глаз. «Маньячка, — выругала я себя. — Первый попавшийся сильный мужик, и ты уже течешь, как мартовская кошка». Но внутренняя ведьма толкала меня в бок и презрительно шипела: «Ты что, целочка? Чего тебе стесняться? Пользуйся моментом! У тебя никогда не было ванильного секса. Тот прощальный с Исповедником не в счет. Попробуй хотя бы!»

Антон что-то пытался рассказывать, я почти не слушала: в ушах шумело. Просто смотрела на то, как движутся его губы, и представляла, как мягко они скользят по моей коже. Черт... я была уже мокрой. Я ужасно его хотела. Стало нестерпимо стыдно.

Вскочив со своего места, я пробормотала что-то и хотела было сбежать в ванную. Но споткнулась и наверняка растянулась бы позорно на полу, если бы меня не поймали.

А дальше произошло то, чего так нестерпимо желало мое возбужденное тело. Теплые ладони забрались под футболку. Антон не отрывал глаз от моего лица, ища то ли одобрения, то ли возмущения. Я облизала пересохшие губы, медленно проведя по ним кончиком языка. Он тут же понял все и прижался к ним своими. Мягкие... какие мягкие... Я впустила его язык, тихо застонав. Меня так редко целовали, по пальцам можно пересчитать. В Теме поцелуи не приняты. У его губ был вкус мяты. Сладкий. И немного обжигающий.

Футболка полетела на пол.

Он осторожно сжал грудь, будто боясь мне сделать больно. Я нервно хихикнула, прижимаясь теснее, отчаянно потянулась к нему, встав на носочки, сильно прикусила его нижнюю губу, давая понять, что я не такая хрупкая, как он думает.

Антон тихонько охнул, но все понял правильно. Сжал меня сильнее. Мы сделали несколько шагов к стене, и я оказалась прижатой к ней, так, что стало трудно дышать.

Ладони обняли мою талию, он улыбнулся восхищенно, так как его пальцы почти сошлись. Скользнул ниже, спуская мои шорты, потом опустил на колени и снял их с моих лодыжек. Замерла, прижавшись к стене, не зная, чего ожидать дальше. Антон встал, снова впился в мои губы, уже задыхаясь от возбуждения, но продолжая сдерживаться. Ладони легли на мои ягодицы, сжали их, затем приподняли от пола, и я, поняв, чего он хочет, обхватила его бедра ногами.

— Держись, — обжег шепот мое ухо, а зубы прикусили мочку. Я почти кончила только от этого. Я безумно хотела ощутить его внутри, задыхалась и постанывала сквозь сжатые зубы.

Он сорвал с себя футболку, расстегнул пояс на джинсах, рванул молнию. Сжав руками мои бедра, Антон немного приподнял меня, а потом резко опустил.

Из моего горла вырвался крик. Он был большим, горячим, растянул меня почти до отказа. Я впустила его, тут же отдавая контроль. Это было привычно... но совсем по-другому. Офигительно... Горячо... Сжимая мои ягодицы, он опускал и поднимал меня, врывался до конца, все сильнее и отчаяннее. Слишком много свободы — руки, ноги не связаны, не зафиксированы. Я не знала, что мне делать с этой свободой. Кричала, рычала, кусалась, как дикая кошка, и впивалась ногтями в его спину. Накатывающий оргазм был как океанская волна... но я никак не могла перевалить за ее гребень.

— Вик... — обжигающий шепот, и опять он прикусил мочку уха. И тут я взорвалась...

Уже почти потеряла ощущение реальности, услышала его стон и почувствовала, как он изливается в меня.

Отдышавшись, он осторожно поддержал, позволяя опустить ноги, взял мое лицо в ладони и опять поцеловал распухшие губы.

— Спасибо, — шепнул он, и я разревелась у него в руках от переполняющих меня чувств, таких новых.

Антон, испугавшись моей истерики, отпустил меня, натянул джинсы, потом подхватил под коленки и стал баюкать, как маленького ребенка, прижимая к груди, шепча какие-то глупые слова извинения. А я редела, сладко, как в детстве, выпуская что-то из своей странной, искореженной души, которую больно разъедала его неожиданная, непривычная нежность.

Он опустил меня в кресло, бережно, как хрупкую статуэтку, сдвинул к стене стол, разобрал диван. Пошел в ванную, открыл воду. Он что, меня купать собрался?! Вернулся, налил в стакан сока и поднес к моим губам. Я взяла из его рук стакан и попыталась сделать глоток, но зубы стукнули о край.

— Вик, я идиот, — в его голосе такое раскаяние. Глупенький... причем тут ты... Это я испорченная, ненормальная.

Поставила стакан на пол. Он стоял передо мной на коленях. Но не так. Совсем не так. Обхватила его за шею, поцеловала жадно, словно боялась, что он исчезнет.

— Я хочу тебя, — губы сами произнесли это, — хочу... Люби меня, пожалуйста. Не отпускай... только не отпускай...

Моя ванная была слишком маленькой для его большого тела. А мой диванчик так жалобно поскрипывал. Мою крохотную квартирку распирало от нашей страсти, я боялась думать, как буду смотреть в глаза соседям.

Утром я не могла оторвать от него взгляда, даже, кажется, перестала дышать. Он спал, широко раскинув руки, улыбался во сне своей невозможной улыбкой, а я смотрела на него, приподнявшись на локте, и так не хотела, чтобы он просыпался.

Я не строила иллюзий. Мы не были связаны никакими договорами. Я пригласила его сама и тут же с ним трахнулась. Я была для него одноразовой шлюхой. Сейчас он проснется, виновато улыбнется, оденется и уйдет. А я опять буду выть по вечерам от одиночества.

Закусила губу, больно, до крови, чтобы не зареветь.

Вздыхнула и повернулась, хотела выскользнуть из постели.

Теплая ладонь обхватила меня поперек живота.

— Куда собралась? — жарко прошептали мягкие губы, скользя по моему плечу. — Не пушу.

Собравшиеся уже пролиться слезы испарились. Что-то было в этом шепоте, что я поверила — не уйдет. Не отпустит.

Так он появился в моей жизни. Антон. Антоша. Антошка. Мое солнечное невозможное чудо. Настолько невозможное, что я просыпалась по ночам от собственного крика, когда мне снилось, что он ушел.

Через месяц после нашей первой бесстыдной ночи он представил меня своей маме. Она меня поразила. Тихая, нежная, маленькая. Рыжие волосы, бледная кожа. Она была так похожа на мою маму. Но совершенно другая. От нее исходила теплая сила, уверенность. Как и от Антона. Наверное, такой была бы моя мать, если бы ее не сломал отец. Я долго не решалась спросить у Антона о его отце. Но он сказал сам. Он бросил их еще до его рождения. Антошку мама воспитала одна. И так и не вышла больше замуж.

Когда Антон сказал, что хочет на мне жениться, я хохотала как безумная. Он даже обиделся. Но мой хохот перешел в истерические слезы. И ему опять пришлось меня успокаивать.

Он постоянно меня успокаивал. Я стала с ним совершенной истеричкой. Раньше я не позволяла себе такой роскоши. Но с Антоном я снова стала ребенком. Иногда капризным, иногда самовлюбленным и эгоистичным. И самое удивительное, что это ему нравилось.

Мне казалось, что ему нравится во мне все. Смех, слезы, капризы и восторженное обожание. Я готова была целовать его ноги, но постоянно сдерживала себя, понимала как это было бы нелепо.

Алиса, которая уже стала мамой крепенького пухлого полугодовалого малыша, прожужжала мне все уши, познакомившись с Антоном, что он идеальный Дом, и я обязана ввести его в Тему. Я чуть не побила ее. Сама мысль об Антоне в Теме была для меня кошунством. Его солнечному сиянию не было места в мрачных подвалах с цепями, кандалами и кнутами. Я предала бы его, если бы втянула в этот мир.

Вместе с Мастером я попрощалась с Темой навсегда. По крайней мере, мне так казалось.

Мы поженились в декабре, перед самым Новым годом. Я уволилась из фирмы Надежды, чтобы даже она не напоминала мне о Теме.

Работала на дому, составляя бухгалтерскую отчетность для нескольких крошечных фирмочек. Денег это приносило не много. Но нам хватало. Хватало друг друга. Нашего горячего безумного секса, наших утренних поцелуев, нежных и невесомых, пикников на природе, когда нам казалось — мы одни во все мире. Поездок по магазинам, когда мы едва удерживались, чтобы не заняться любовью прямо в примерочной. Я любила его. Отчаянно и исступленно. А он меня — спокойно и уверенно.

Когда мне в первый раз приснился этот странный сон, я подумала, что виноват фильм «Девушка с татуировкой дракона», на который мы ходили накануне.

Но сны повторялись и повторялись, становясь все реальнее. И каждый раз я просыпалась, крича от страха, но дико возбужденная. Все заканчивалось страстным сексом, и мой муж, конечно же, был не против. Но мне казалось, что он начал о чем-то подозревать.

Я рассказала Алисе. Она усмехнулась:

— Это ломка, детка. Тема так просто не отпускает. Я же говорила тебе, лучший вариант — ввести Антона в Тему. Осторожно, по шажку. К тому же скелеты в шкафу — не лучший груз для счастливой семьи.

Я не хотела даже слушать. Мой светлый волшебник... мой солнечный зайчик... И плеть в его руках?! Нет.

Сны мучили меня все сильнее. Я уже ждала их, со страхом и предвкушением. Как когда-то ждала сессии. Боли. Наказания. Это было изматывающее, нездоровое чувство.

Это было предчувствием грозы. И гром грянул.

Однажды я зашла в свою почту, чтобы проверить, прислали ли мне новые бухгалтерские формы мои работодатели. Я сменила все свои адреса и никому из тех, кто мог напомнить мне о старой жизни, их не давала.

Письмо было подписано одной буквой. М. Состоящей из переименованных сабель. Я тупо смотрела на экран. Не верила, что это происходит со мной на самом деле. Слышала за спиной грохот. Рушился мой новый мир.

Это был Мастер. Несомненно. Его приказ был предельно ясен. Я должна была организовать все так, чтобы быть в полном его распоряжении в течение десяти дней круглые сутки. Никому об этом не сообщать. Если я откажусь, он перешлет моему мужу имеющиеся у него мои фотографии. К письму прилагалась одна из них. Меня замутило. Обнаженная,

связанная веревками в самой немислимой позе, бесстыдно раскрытая, с исстеганной хлыстом задницей, с зажимами на сосках и клиторе, соединенными цепочкой, которую сжимала в зубах. Лицо, искаженное от боли и похоти. Я была такой... была...

Самое страшное было в том, что я не могла никому рассказать. Конечно, Мастер нарушал самый уважаемый, непреложный закон Темы. Добровольность. И если я сдам его той же Надежде, он станет в сообществе изгоем. Только вот мне это уже вряд ли поможет. Я разрушу до основания весь свой светлый, солнечный мир. Не думаю, что после таких моих фотографий Антон захочет меня видеть.

Для оправдания моего отсутствия перед мужем к письму прилагалось приглашение на семинар по «1С: Бухгалтерии» на мое имя. Место проведения — санаторий в Подмоскowie с уютным названием «Серебряные ключи». Участие в семинаре было оплачено одной из фирмочек, для которых я готовила бухгалтерскую отчетность.

Мысль о том, что я могу не подчиниться приказу Мастера, попробовать бороться с ним, была отмечена сразу как безумная.

Больше всего я боялась того, что Антон не поверит. Не отпустит. Потому что если он скажет «нет», я не смогу уйти. Но он так легко поверил. Порадовался со мной тому, что после этого семинара я смогу устроиться на работу куда-нибудь в банк, порывался позвонить директору этой фирмочки, чтобы поблагодарить.

До назначенного дня оставалось три дня. Я отдавалась ему по ночам с такой страстью, с таким отчаянием. Как в последний раз.

В день моего «отъезда» у Антона был выходной. Я нервничала, не зная, каким образом улизнуть от него, потому что ни в какой санаторий «Серебряные ключи» я не собиралась. Но с утра ему позвонили и вызвали на работу. Потом перезвонил и сказал, что срочно улетает в командировку, и что заедет попрощаться и собрать вещи. Я выдохнула с облегчением. Уходя, он сжал меня в своих медвежьих объятиях, даже хрустнули ребра. Будто почувствовал что-то. Я не сдержала слез.

— Ну чего ты, малыш? — нежно шептал он и целовал мои глаза. — Всего десять дней.

Всего... десять дней... Если бы ты знал, мой солнечный зайчик, какой тьме в лапы я отправляюсь.

Мне было назначено на шесть вечера. Я выехала заранее, чтобы не опоздать. Все мои Дома были помешаны на пунктуальности. А Мастер в особенности.

Пока я ехала в такси, сердце больно бухало в груди. Но привычного возбуждения не было. Было тяжелое ощущение, что я отправляюсь на собственную казнь. Давящее, пригибающее к земле.

Я отпустила такси в начале улицы. Дальше пошла пешком. Нажала на кнопку звонка. Ворота тихо шелкнули, пропуская меня в мой персональный ад.

Дверь рядом с гаражными воротами была приоткрыта. Я поняла намек, вошла и сразу отправилась в комнату для игр. Как всегда, оставила свою обувь и сумочку за дверью. Уже внутри сняла одежду, вздрогнув от прохладного воздуха. На улице было холодно, а полуподвальное помещение, видимо, не успело нагреться. Хотя, возможно, это тоже было частью сценария. Обстановка сильно изменилась с того дня, как я была тут в последний раз. Появилось много новых странных и жутковатых снарядов. Отчего-то я поняла, что они приготовлены специально для меня.

На полу не было знакомой мне кожаной подушечки. Я встала коленями на каменный пол, содрогнувшись от плохих предчувствий.

Тишина давила мне на уши, будто вода на глубине. Тихие шаги по коридору взорвали ее, заставив меня вздрогнуть. Я опять была в своем страшном сне.

Жесткая ладонь легла мне на плечо.

— Ты приехала. Отлично, — тихий голос, такой знакомый. Под кожей будто пропустили ток, и я дернулась.

— Не бойся, девочка, — на глаза привычно легла плотная повязка. — Ты скучала по мне? Или приносишь жертву своей неземной любви?

Я молчала. Он не приказывал отвечать. А я не хотела.

— В сущности, мне все равно, — безразличный, холодный, презрительный. — Итак, ты приехала, тем самым приняла мои условия. Лайф-стайл. Двадцать четыре часа в сутки. Ровно на десять дней. По окончании, если захочешь, — ты свободна. Больше не услышишь обо мне никогда. Никаких стоп-слов. Никаких легких ограничений. Твои хард лимиты я помню. И постараюсь не нарушать. Кивни, если поняла.

Судорожное движение головы. Мне было страшно. Очень. Но я сжала зубы, чтобы они не выбивали дробь.

— Встань! — жестко приказал Мастер. По движению воздуха и легким шагам я поняла, что он обошел кругом. Потом отошел к стене. Звякнули цепи.

— Вытяни руки!

На запястья легли кожаные наручи. Щелкнул карабин. За руки он потянул меня в центр комнаты. Поднял их, пристегнул карабин к цепям. Отошел. Скрипнул механизм, и мое тело натянулось, как струна, пальцами ног я отчаянно пыталась нащупать знакомую мне чуть выступающую плиту в полу.

— Да, девочка. Ты все помнишь.

Жесткая рукоятка плети огладила мои ребра, спустилась по бедрам, грубо оцарапала внутреннюю поверхность, ворвалась между ног.

— Ты сухая, — укоризненно сказал Мастер. — Обычно ты уже текла до того, как я начинал тебя бить. Я хочу наказать тебя, девочка. Ты знаешь за что?

Опять эта жестокая игра в угадку. Как правило, я угадывала. Но это было тогда. Когда между нами была незримая связь. Теперь же я совершенно не понимала и не чувствовала его. И боялась до тошноты.

Я молчала. Я не попадусь так просто. Мастер не приказал отвечать.

— Отвечай, девочка! — вот теперь нужно угадать.

— За то, что отказалась от лайф-стайла. Тогда.

Короткий жестокий смешок дал мне понять, что я промахнулась. Черт. Это еще один удар к уже назначенному.

— Попробуй еще раз. Плюс один, девочка, плюс один.

Мысли никак не хотели собираться, рвались, расплзались, как изъеденная кислотой ткань.

— За то, что не просила продолжать договор, — просипела я.

Лучше я ничего не смогла придумать.

— Нет, не угадала. Еще один удар. Итого двенадцать. Догадываешься, что я выбрал для твоего наказания?

Воздух вырвался из моих легких со свистом. Конечно, его любимая плеть. Без сомнений.

— Вижу, догадываешься. Считай! И проси о каждом новом!

Боль разорвала мою поясницу и живот. Наконечник чиркнул между ног. Я взвыла, сквозь вой едва различалось слово «один».

— Могу я получить еще, Мастер? — я буквально выдавила из горла эти слова. Тошнота подступала, будто это были скользкие слизняки.

Второй снова опоясал меня дикой, ни с чем несравнимой болью. Он бил меня в полную силу. Не жалея. Не заботясь об отметинах. Не разогрев предварительно. Стараясь попасть ближе к предыдущему рубцу, чтобы было больнее. Мелькнула мысль: «Как я объясню Антону эти жуткие синяки?».

— Два! — выкрикнула я, глотая слезы. — Мастер, прошу о следующем!

Рукоять плети раздвинула мне ноги. Господи... спаси меня, дай мне сил перенести эту муку. Кажется, я начинала понимать, за что он так жестоко наказывал меня.

Живот и нежная кожа между ног... Струйка крови, щекоча, стекает вниз...

— Три! — рыдаю в голос, — пожалуйста... пожалуйста... еще...

Я не могу его остановить. У меня нет такого права. Я — вещь. Его кукла. Неодушевленный предмет. Но вещь не испытывает боли. Я вещь... боли нет... нет... Боже! Как же больно!

— Четыре! Мастер... еще...

Он сменил позицию. Ягодицы и спина. Это легче.

— Пять. — Я уже сиплю, но если остановлюсь или собьюсь, он начнет заново. И мне не выдержать...

Господи, это только половина. Он не остановится, хотя я уже на краю. Я чувствую, как начинает шуметь в ушах и наливаясь тяжестью затылок. Во рту противный металлический привкус.

Вдруг мне в рот жесткие пальцы вталкивают что-то резиновое и круглое, а на затылке застегиваются ремешки. Кляп?! Он никогда не пользовался кляпом, ему нравились мои крики.

— Так тебе будет легче. Считать больше не нужно.

Неужели он меня пожалел?!

Но болевой шок все сильнее завладевал мной. После девятого удара я начала отключаться.

Мастер остановился. Раздался влажный звук, будто в ведре выжали губку. Запахло какими-то эфирными маслами. Хвоя, мята и еще что-то знакомое.

Как приятно. Прохладная влажная губка на лице, на пересохших искусанных губах, нежно — по иссеченному плетью телу, по каждому рубцу... Боль утихает...

Губка плюхнулась в ведро. И новый удар выбил из моих легких воздух, отчаянно замычала, впившись зубами в кляп.

— Шш, уже почти все...

Жалость?! Он знает, что такое жалость?

Последние три были самыми болезненными. Мне показалось, что Мастер вложил в них всю свою силу, всю... ревность?! Господи... ревность... Вот, за что я плачу!

Жесткие пальцы расстегнули ремешки, вынули кляп. К губам он поднес трубочку. Жадно обхватила губами и втянула. Холодное, вкусное. Освежает. По венам разлилось тепло. Энергетик? Боль стала тише. Прибавилось сил.

Щелкнул карабин, и я с размаху упала на колени на каменный пол. Но разбитые колени — ласковое поглаживание.

— Молодец, девочка. Ты справилась. Так ты поняла, за что была наказана? Я могу сказать сам.

Молчу. Пусть скажет сам. Тогда точно я не запишу на свой счет еще один удар плети.

Жесткая рука схватила меня за волосы, наматывая на кулак, оттягивая назад.

— За то, что тобой обладал не я.

Я была права. Это ревность. Господи, дай мне сил. Только бы выдержать, только бы выдержать...

Карабин на моих запястьях расстегнулся, но только для того, чтобы защелкнуться снова, уже у меня за спиной. С тихим звуком расстегнулась молния, я почувствовала у своих губ гладкую горячую плоть.

— Я так скучал по твоему роту, девочка. Давай, милая, служи мне хорошо. Как ты умеешь.

Открыла послушно рот, и он скользнул туда, резко, грубо, сразу достав до горла. Я отвыкла и еле сдержала рвотный позыв. Глубоко вдыхая через нос, я старалась изо всех сил принять его на всю длину, чтобы не заслужить новую порку.

Мастер тяжело дышал, я чувствовала, как набухает у меня во рту его плоть, и на очередном заходе оголила зубы, тронув головку. Он простонал и бурно излился, я едва не захлебнулась.

— Да-а-а, — он стонал сквозь стиснутые зубы. — Ты просто невероятна, девочка моя. Как я скучал по тебе. Встань!

Он потянул меня за локоть куда-то, и я ощутила спиной холодную полированную поверхность. Карабин снова щелкнул, руки оказались свободными, но только для того, чтобы быть пристегнутыми к перекладинам креста. Лодыжки тоже обхватили поножи. Теперь я была распята. И абсолютно беспомощна. Что за новую муку он мне приготовил?

Плеть сменил кожаный хлыст. Я немного расслабилась. После перенесенной порки, это был подарок. Легкие удары поднимались снизу вверх: живот, грудь, соски... Кожа горит. Ахнула, когда жесткие пальцы грубо ворвались внутрь.

— До сих пор сухая, — он раздражен и недоволен. Боже... Нервно сглотнула. Я ничего не могу с этим сделать. Ничего.

Жесткая ладонь легла на грудь, сжала, почти нежно, пальцы покрутили сосок. Попыталась расслабиться, почувствовать удовольствие. Попыталась вспомнить руки Антона, но эти жесткие ладони были так не похожи... Чужие... не такие... Нет. Я не впущу сюда его образ. Не оскверню этим местом. Я выдержу. Смогу. Ради него. Ради нас.

— Умница... так лучше...

Ладонь Мастера уже ниже, пальцы кружат вокруг клитора, снова проникают внутрь, наконец-то скользят по выделившейся смазке. Тело предает меня: возбуждение нарастает... Это хорошо. Он должен быть мной доволен. Иначе я не переживу десять дней.

Холодная сталь зажимов — и боль... Легкая, почти приятная. Тело начало вспоминать старые реакции. Прикусила губу, чтобы не застонать, и палец Мастера лег на нижнюю, освобождая ее из-под зубов.

— Не сдерживай себя! Я хочу тебя слышать!

Боже... Клитор набух и слишком чувствителен для зажима. Слезы выступили под повязкой, хорошо, что Мастер не видит их. Как же будет больно, когда он снимет.

Дернулась, как от удара током, когда Мастер пристегнул цепочку ко всем трем зажимам. И поднес к моим губам.

— Держи крепче, девочка. Не отпускай.

И он ворвался в меня, сразу несколькими пальцами, грубо, резко, выбивая из меня хриплый стон. Непроизвольно дернула головой, и резкая боль от зажима внизу пронзила, заставив закричать в голос.

— Тише... Осторожнее, детка. Сама себя наказываешь, — он смеется надо мной.

Стараюсь дышать размеренно, чтобы не дергать зажимы. Я отвыкла от них, мне очень больно, и эта боль больше не мешает с удовольствием, а словно существует отдельно. Как слои в «Кровавой Мэри».

Мастер продолжил грубо меня трахать пальцами, почти насилуя, так как боль гасит мое возбуждение. И он решил снять зажимы, тоже чувствуя дискомфорт.

— Спасибо, Мастер, — прохрипела я, — простите...

Боль от прилившей к клитору крови снова заставляет меня кричать.

И тут горячее дыхание обжигает ставшую безумно чувствительной от прилива крови плоть. Его язык скользит между складок, губы смыкаются вокруг набухшего, пульсирующего болью островка. Опять кричу, разрывая себе связки.

— Я уже забыл, какая ты вкусная, — его дыхание так приятно щекочет, и тело снова начинает меня предавать. — Ты можешь кончать столько, сколько сможешь!

— Спасибо, Мастер, — хриплый голос не похож на мой.

Наконец мне удалось расслабиться, и я получила свой первый оргазм. Впервые я ненавидела себя за него.

Мастер словно решил отыграться на мне за все то время, что я была не с ним. Он перемещал меня от одного снаряда к другому. Укладывал на кресло, похожее по ощущениями на гинекологическое, привязывал меня к нему, раскрывая до предела, фиксировал ремнями на каком-то станке, растягивал, трахал жестко, до слез и крика в самых немислимых позах, использовал всевозможные игрушки, стегал хлыстом, стеклом, флоггером, капал на грудь расплавленным воском.

Когда он закончил, мне казалось, что прошел месяц... Но увы. Это был только первый день. И впереди было еще девять таких же. Наполненных страданием и болью. Только бы выдержать. Только бы не сойти с ума.

Через несколько дней (а вскоре я потеряла им счет), я начала понимать, чего добивался Мастер. Он ломал меня. Методично уничтожал мою личность, пытаясь сделать из меня послушную куклу для удовольствий. Раньше он не был так жесток со мной. Всегда говорил, что уважает меня за то, что я добровольно отдаю себя ему. Но теперь я пришла не добровольно. И он знал это. Знал, почему я больше не реагирую на его воздействия так, как раньше. Знал, что возбуждаясь и кончая под его руками, я представляю на его месте другого. И именно это доводило его до исступления, делало настоящим садистом. Тем, кого я ненавидела и боялась всегда. Когда я поняла это, то вспомнила слова Исповедника: «Господа, что любят ломать своих сабов — не для тебя. Ты можешь жить без Темы. Ты заслуживаешь счастья». И я держалась за эти слова стиснутыми зубами. Отчаянно защищая свое право на счастье. Пытаясь из последних сил не сломаться, не потерять себя в этом кипящем море боли и отчаяния.

И я выдержала.

Утром, отстегнув цепочку, прикрепленную к моему ошейнику, от кольца в стене, Мастер поднял меня с тюфячка, который служил мне постелью, поднес к моим губам трубочку, подождал, пока я выпью свой протеиновый коктейль и сказал тихо:

— Ну вот и все, девочка. Сегодня наш последний день. В конце сессии я сниму с твоих глаз повязку и спрошу, хочешь ли ты уйти. Но надеюсь, что ты не захочешь.

Я молчала. Как он может надеяться, что я останусь? После всего, что он сделал со мной?

— Я был с тобой жесток. Я знаю. Но это для твоей же пользы. Нужно было выбить из тебя эту ванильную дурь, что заморочила тебе голову. Эта жизнь не для тебя, девочка моя. Твоя настоящая суть — это Тема. Ты идеальный саб. Совершенный. У тебя просто невероятные реакции, выносливость, отзывчивость. И ты создана для меня. Я — твой идеальный Мастер. Ты — моя идеальная рабыня. Мы — единое целое. Неужели ты не почувствовала, какую боль принес нам обоим наш разрыв? И как ты могла променять меня на этого ванильного сопляка?! Я знаю, ты хотела понять, отчего после твоего отказа я разорвал договор. Я скажу. Потому что осознал, что хочу обладать тобой абсолютно. Всегда. Каждую секунду твоей жизни. И надеялся, что разрыв заставит тебя ощутить это. Но ты выбрала неправильно. И мне пришлось направлять тебя.

Мастер замолчал. Я даже перестала дышать, потрясенная его откровенностью. Страсть, с которой он говорил, пугала меня, заставляя дрожать всем телом. С моих глаз словно упала пелена. То, что я принимала за божественность, было болезнью. Измененным сознанием. И это чудовище пыталось утащить меня за собой в тот ад, который он сам создал для себя. Я боялась его. Но больше всего я боялась, что он нарушит слово. И не отпустит меня. Идиотка. Нужно было хотя бы оставить записку.

— Ты боишься? — он словно прочел мои мысли. — Не бойся. Если ты захочешь вернуться к своему сопляку, я не буду тебя удерживать. Хотя... это такой соблазн. Это такое счастье — видеть тебя у своих ног, в кандалах и ошейнике. Я сдержу свое слово. Но пока ты моя!

Меня затрясло от того, как он произнес последнюю фразу.

И опять была боль. Разная. Нежная, почти приятная, и испепеляющая мозг, выбивающая слезы из глаз и звериный вой из груди. И снова он брал меня всеми способами, трахая безжалостно мой рот, зад, лоно. В редкие паузы поил меня энергетиком и нежно обмывал ароматной прохладной губкой. Но только для того, чтобы возобновить мои мучения.

Обессиленная, я стояла на коленях на каменном полу, влажном от моего пота и слез, когда вдруг скрипнула дверь и раздались гулкие шаги.

Я дернулась, как от удара.

— Мастер... только не это... прошу... не передавайте меня... нет...

Жесткая ладонь погладила меня по щеке.

— Ну, ну, — прошептал он, — я помню про твой хард-лимит. Но сделай на сегодня исключение. Для моего друга. Один минет. Только один. И все. Ты свободна.

Шаги ближе... Я рыдала от унижения и отвращения... Как он мог?..

«Ты заслуживаешь счастья, Виктория».

Слова Исповедника, прозвучав в моей голове, придали мне сил. Нет, я не сломаюсь. Последний шаг, и я вернусь к своему Солнечному Зайчику.

Хриплое дыхание на моих волосах, теплая ладонь гладит по щеке, стирая слезы...

...Я не видела, но почувствовала. И у меня в груди лопнуло что-то. Мне показалось, что из разорванной груди хлещет кровь, вместе с ней вытекает моя жизнь. Ненужная, никчемная... Мне впервые в жизни по-настоящему захотелось умереть.

Жесткие пальцы Мастера сняли повязку. Я подняла глаза и уже знала, кого увижу.

Пронзительно-синие глаза выцвели, стали серыми. На лбу пролегла горькая складка. Сжав в кулаки свои ручищи, он смотрел на меня сверху вниз, и я не могла понять, чего в его взгляде было больше — жалости, презрения или боли...

Мой Антон. Мой муж. Мой Солнечный Зайчик. Ради него я вынесла все эти муки. И оказалась преданной и растоптанной. Вот теперь Мастер и вправду меня сломал.

— Ну, девочка. Что же ты остановилась? Ведь это твой любимый. Сделай ему хорошо. Как мне.

— Почему? — хрипло спросила я.

Антон отвел глаза и посмотрел на Мастера у меня за спиной. И вдруг его лицо стало страшным. Он заскрежетал зубами и прорычал:

— Ты мне сказал, что это терапия! Что ты вылечишь ее от кошмаров! И она будет снова счастливой!

— Я сказал правду, — голос Мастера — насмешка и презрение. — Посмотри, она счастлива! Ведь ты счастлива, девочка моя? Гляди, твой ванильный принц сам отдал тебя мне. Сам! Твой хард-лимит — передача другому. И он его нарушил!

Лицо Антона исказилось от муки:

— Я не знал... ничего не знал... ты обещал... психотерапия...

— Ну можно и так сказать, — снова жестокая насмешка. — Пойми, глупец. Она моя! Была моей! И останется моей!

Я тихо рыдала на полу, не смея поднять на него глаз. Жалкая, избитая, оттраханная сука. Разве было мне место в его светлом, солнечном мире? Нет. Такие там не живут. Разве я смогу смотреть в глаза его матери после того, как он видел меня такой? Нет. Скорее я сдохну. Мое место здесь. В моем персональном аду.

— Девочка, пора решать, — жесткая ладонь на моем плече. — Ты хочешь уйти или остаться?

Я сглотнула слезы. Выпрямила спину. Развела бедра и сложила руки за спиной. Опустила глаза в пол. Стандартная поза покорности.

— Как будет угодно моему Мастеру, — бесстрастно произнесла я ставшими чужими, непослушными губами, чувствуя, как из разорванного сердца вытекает последняя капля жизни.

Я слышала, как шумно выдохнул Антон. Как заскрипели его зубы. Хрустнули суставы рук, сжимаясь в судорогах. Я не поднимала глаз.

Мастер захохотал. Безумно, победно.

— Пошел вон, сопляк! — закричал он. — Вон! Она моя! Убирайся!

Я почувствовала, что сейчас отключусь. В голове шумело, снова рот наполнился противным металлическим привкусом. И то, что случилось дальше, показалось мне сном. Продолжением одного из моих кошмаров.

Антон со звериным рычанием рванулся вперед, откинув меня со своего пути. Я больно ударила локтем о камень пола, и эта боль привела меня в чувство. Обернувшись, с ужасом я смотрела на то, как мой муж сжимает в своих ручищах горло того, кого я знала как своего Мастера. Впервые я увидела его лицо, бледное, испуганное. Оно было мне знакомо. Это был Зимин.

— Антон! — выкрикнула я из последних сил. — Ты убьешь его! Не надо... Антон...

Тяжелые капли падают вниз. Этот влажный звук сводит с ума.

Хочется пить... но сил встать нет. Голова гудит, тяжелая, будто набитая пыльными камнями. Но нужно встать. Нужно... Соберись, Виктория!

Распахнула глаза — бархатная синяя темнота, только в углу мягкий желтоватый свет. Напряженно прислушалась.

Тихое уютное посапывание... Фух... спит. Наконец-то. Третья ночь без сна. Почти что пытки инквизиции. Алиса говорит — это нормально — режутся зубки. Нормально... Я уже почти зомби.

Босые ступни мягко шлепают по ламинату. Опять течет кран на кухне. Эх... Папе некогда. Папа спасает чужие жизни. Завтра вызову сантехника. Положила в раковину тряпку, чтобы звук был потише. Налила воды из кулера. Как же хорошо...

Прошлепала обратно в спальню. Склонилась к кровати. Никитка... солнышко мое... Вылитый папочка. Солнечный мальчик.

Завтра обещала приехать Антошкина мама, может, удастся поспать. Антон в командировке в Крымске. ЦентрОСпас помогает ликвидировать последствия наводнения.

Упала в постель, прижалась лицом к подушке. Вдохнула его запах. Специально не стала менять постельное белье. Так мне легче. Будто он рядом.

Завтра наша годовщина. Два года. Антошка обещал успеть. Значит успеет. Он всегда выполняет обещания. Улыбнулась своим мыслям — опять будет огромный букет из желтых цветов. Мы не верим в предрассудки. Обняла сильнее подушку, зарылась в нее лицом и задохнулась от счастья.

Год назад мы его чуть не потеряли. По собственной глупости. Любовь предполагает доверие. А я забыла об этом. Если бы я сразу рассказала все Антону, ничего бы не случилось. Да и он был хорош. Без моего ведома пошел к психоаналитику. А тот оказался человеком Темы и близким другом Зимины. И рассказал ему в дружеской беседе о девушке, которая видит странные тематические сны. Он тут же понял, о ком речь. Позвонил Антону и пообещал помочь. Но сказал, что ему понадобится его полное доверие и один месяц со мной наедине. И мой доверчивый Солнечный Зайчик поверил.

Зимин рассчитал все точно. Методично ломал меня, и припас последний козырь — предательство Антона. Он почти добился своего. Но не смог предугадать только реакции моего мужа, который в ярости едва его не убил. Чудом остановился, бросив его полузадушенного на полу. Антон требовал, чтобы я заявила в полицию. Я отказалась наотрез. Рассказала только Надежде. Она была в шоке, но пообещала, что Зимин больше никогда не причинит мне вреда. Так и было. Он покончил с собой через месяц после того страшного дня. Я узнала от Антона, его ребята выезжали по вызову домработницы, которая нашла труп Зимины. В том самом подвале.

Я долго размышляла над тем, как могла не узнать Зимины в Мастере, ведь я достаточно хорошо его знала. Возможно, в нем изначально жили две разных личности и, становясь Мастером, он менялся до неузнаваемости. Возможно, он специально что-то делал со своим голосом, чтобы оставаться неузнанным. Возможно я, ослепленная не только повязкой, но и своим безумным обожанием, не смогла уловить в его голосе знакомые нотки. Теперь уже это

было не важно.

Больше всего я боялась, что Антон, узнав о моем прошлом, откажется от меня. У него было такое право.

Когда Антон вынес меня из того страшного подвала на руках, закутав в свою куртку, я почти ничего не чувствовала. Внутри была черная, удушливая пустота. Будто выжженная пустыня. Пепел. Горько-соленый. Как мои слезы, которые просто текли по щекам. Как кровь из прокушенной губы.

Антон посадил меня в машину и, не говоря ни слова, отвез домой. Набрал ванную. Вымыл сам, как ребенка. Закутал в полотенце и уложил в постель. Подоткнул одеяло. Мне захотелось завить от его молчаливой заботы. Я чувствовала — что-то сломалось у него внутри. Ничего не будет так, как прежде. Но сил думать просто не было. Чувств тоже. Пустота. В нее я и провалилась.

А когда проснулась — Антона не было. И его вещей. И тут меня накрыло.

Не знаю точно, что случилось. Скорее всего, испуганные диким звериным воем и стуком в стену соседи позвонили в Службу спасения.

Антон ворвался в квартиру, когда я сидела на подоконнике открытого окна, свесив вниз ноги...

Он стащил меня с подоконника. Грубо, не церемонясь. Не заботясь о том, что я сдираю в кровь колени и ломаю ногти, цепляясь за раму. А потом ударил. Первый и последний раз. Отвесил мне хлесткую пощечину. Не рассчитав свою силу. Так, что у меня помутилось в глазах.

Очнувшись в постели. Стиснутая его ручищами, отчего было трудно дышать.

Еще почти месяц мы почти не разговаривали. Пока я, наконец, не взяла его за руку, усадила на диван. Села перед ним на пол. И начала рассказывать. Обо всем. Про маму, отца, друга Сережку, Владлена, Костика. Про Исповедника и госпожу Бранд. Про Зимина. Антон не проронил ни слова. А потом, когда я закончила, вдруг опустился передо мной на колени. Взял мое лицо в ладони и посмотрел в глаза.

— Я никому тебя отдам.

Это прозвучало как молитва. И я поверила...

— У-у-у, ы-ы-ы, — ну вот. Мое чудо чудное проснулось. Завело свои нанайские напевы. Прощай сон.

Взяла на руки, прижала к груди... теплый, мягкий... прикоснулась губами к покрытому испариной лобу, убрала прилипшую прядку.

Пригревшись, Никитка уснул, посасывая кулачок. Осторожно положила его обратно в кроватку, стараясь даже не дышать. Спать, спать, спать...

Упала на подушку и только закрыла глаза.

— Вик... — мягкие губы щекочут ухо. Приятно... Антошка! Не открывая глаз, обняла, прижалась всем телом. Мой... успел... вернулся...

— Буянит? — как он умудряется в одно слово вложить столько нежности? Таю, уплываю, растекаюсь сладкой лужицей.

— Угу, — все, что могу произнести, а мягкие губы, пахнущие мятой, уже нетерпеливо ищут мои, скользят по шее, ладони задирают футболку.

— Разбудишь, — задыхаюсь от нежности. Мой, мой, родной.

— Мы тихонько, — ну да, конечно. Тихонько это не про меня...

— Пойдем на кухню. Или в ванную. Заодно вымою тебя, грязнуля.

Пойдем, это чисто теоретически. Сильные лапищи сгребают меня в охапку и бесцеремонно тащат в ванную. Радостно подчиняюсь, прижимаясь к теплому плечу. Он пахнет бензином, немного сигаретным дымом (ребята смолят, мой Антошка — за здоровый образ жизни) и силой, настоящей мужской силой.

Умирая в его объятиях, успеваю прошептать ему за секунду до того, как захлебываюсь в сладкой агонии: «Только не отпускай».

Больше книг на сайте - Knigolub.net